

Владимир Шумилов

**Стихи  
в духе русского  
экзистенциализма**

BooksNonStop  
Санкт-Петербург  
2022

УДК 82-1  
ББК 83  
Ш96

Книга издается в авторской редакции  
Оригинал-макет: А. Чеширский

**Шумилов Владимир**  
Ш96 Стихи в духе русского экзистенциализма. 5-е издание. / Владимир Шумилов. — Санкт-Петербург: ИПЦ BooksNonStop, 2022. — 190 с.

ISBN 978-5-9965-1692-6

В сборник вошли избранные стихи разных лет философской и гражданской направленности, а также некоторые произведения экспериментального, сюрреалистического характера. Публикуются также: «аллегорическая поэма» — полусказочное повествование «Странствия Ванечки Иванова», и впервые — часть поэмы «Ты: Отблески».

Для любителей и знатоков поэзии с философским мышлением.

[www.booksnonstop.ru](http://www.booksnonstop.ru)

*Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.*

ISBN 978-5-9965-1692-6

© Владимир Шумилов, 2022  
©BooksNonStop, 2022

## СОДЕРЖАНИЕ

<b>СТРАНСТВИЯ. . . . .</b>	<b>17</b>
Впечатление от поездки в Ростов Великий . . . . .	17
Летний вечер в Судакe . . . . .	17
Январский вечер в Сочи . . . . .	18
День путника в Астрахани. . . . .	19
В Питере. . . . .	20
Кама . . . . .	21
Из окна поезда. . . . .	22
Уездногородские картинки . . . . .	23
Дорога на Истру — в Рождественно . . . . .	25
Встань и иди . . . . .	26
В Моршанске . . . . .	27
Хорватия. . . . .	28
В норвежском фьорде . . . . .	28
Вагоны, вагоны.... . . . .	29
Байкал . . . . .	29
В Шотландии . . . . .	31
Воспоминания о Монголии . . . . .	32
Верблюды . . . . .	33
Путешествие на Север . . . . .	33
Встреча . . . . .	34
В дорогу наверх . . . . .	35
Гонка за Счастьем. . . . .	36
<b>СОНЕТЫ . . . . .</b>	<b>38</b>
Сонет о Жизни . . . . .	38
Сонет о Душе . . . . .	38
Сонет о Человеке . . . . .	39
Сонет о Красоте . . . . .	39
Сонет о Еде . . . . .	40
Сонет о Препятствиях . . . . .	41
Сонет об Организме . . . . .	41
Сонет о Предвестиях . . . . .	42
Сонет о Слезе . . . . .	42
Сонет о Смерти . . . . .	43
<b>ЭКЗИСТЕНЦИЯ . . . . .</b>	<b>44</b>
Плоты плывут... . . . .	44
Огонёк . . . . .	44
На нижнем этаже . . . . .	45

Ночные видения и страхи . . . . .	46
Сон . . . . .	47
Тёмной ночью . . . . .	48
Прощание с отчим домом (сентиментальное) . . . . .	48
Ода младшему брату . . . . .	49
«Мы далёкое любили» . . . . .	50
О ключах . . . . .	51
Алгоритм жизни (притча) . . . . .	52
Ваза . . . . .	52
Об эфемерности стихосложения . . . . .	53
Фея и страшила . . . . .	54
История про бомжовый стол . . . . .	55
Драка . . . . .	56
Китайский иероглиф . . . . .	57
Однажды в феврале. . . . .	58
Про букашечек — недетское. . . . .	59
О мальчике в чулане . . . . .	59
Пришелец и надежда . . . . .	60
О диссонансах . . . . .	60
По мотивам библейских псалмов . . . . .	61
Виртуальный сон . . . . .	62
Всё кругом . . . . .	63
Э к с п р о м т . . . . .	64
Экспромт. Quasi una fantasia . . . . .	65
Экспромт № 3 . . . . .	65
Откровение. . . . .	66
Шотландская симфония . . . . .	67
Путешествие в Космос . . . . .	70
Трансформации . . . . .	72
Обращение к Мысли . . . . .	73

## **СЮР В КАРТИНАХ ПОДСОЗНАНИЯ . . . . . 74**

Чернильница . . . . .	74
Опыт претенциозной бессмыслицы, . . . . .	75
Приключения с умозаключением . . . . .	77
Дом . . . . .	77
Портрет Неизвестного . . . . .	79
Портрет Неизвестного - 2 . . . . .	79
Думы письменного стола . . . . .	80
Невыдуманная и страшная сказка. . . . .	81
Оркестр . . . . .	83
Хирург . . . . .	84
Хирург-2. . . . .	85
Из учебника философии. . . . .	86

На машине . . . . .	87
<b>МЕЖДУ ТРАВОЙ И ОБЛАКАМИ. . . . .</b>	<b>89</b>
Перед ночной грозой . . . . .	89
Дачная зарисовка: лето. . . . .	89
На даче жарким летним вечером . . . . .	90
В летний день на реке Истре . . . . .	91
Наш сад . . . . .	91
Облака . . . . .	92
Осень. . . . .	93
У ёлочки в лесу. . . . .	94
Переменчивый ангел. . . . .	94
<b>СРЕДИ ЛЮДЕЙ . . . . .</b>	<b>95</b>
Художник . . . . .	95
Картинная галерея . . . . .	96
Один день . . . . .	97
Город. . . . .	99
Кое-что о Лжи . . . . .	100
Из исповеди случайного собеседника на скамейке в городском сквере . . . . .	102
Маски . . . . .	102
О племени клерков и ответработников. . . . .	103
Старый ворон. . . . .	105
В инфекционной больнице . . . . .	106
Диалог . . . . .	107
Крушение Римской империи . . . . .	107
На повышение цен . . . . .	109
Разговор с должником во время мирового финансового кризиса 2008 года . . . . .	110
Простые наивные пожелания. . . . .	110
ОНО. . . . .	111
Вперёд — в Новый год! . . . . .	112
<b>Р О Д И Н А . . . . .</b>	<b>113</b>
Смотрит на меня мой дед... . . . .	113
Бабушкины песни . . . . .	113
Предыстория России . . . . .	114
Картинка из жизни Древней Руси . . . . .	119
Эпиграф к истории Европы . . . . .	120
К борьбе с Западом за новое мироустройство — будь готов! . . . .	120
Размышления о Русском характере . . . . .	121
Пятая колонна . . . . .	122

«Замазученная ветошь» . . . . .	124
К размышлениям о России (Не стреляй в своего) . . . . .	125
Послесловие к рождению Новороссии. . . . .	126
На восток ! . . . . .	127
Баллада о новомученике русском . . . . .	128
Земля, где живут Иван да Марья. . . . .	129
О ж и д а н и е. . . . .	130
П о с л а н и е . . . . .	131
Сага о Двоих . . . . .	132

## **ДЕТСКИЕ СТИШКИ. . . . . 133**

Веселилки. . . . .	133
По лесенке . . . . .	133
Потрудись — повеселись . . . . .	134
Про деньги . . . . .	134
Про медвежонка . . . . .	135
Кто ты ? . . . . .	135
Разговор . . . . .	136
Звуки Жизни . . . . .	136
Ракета из «лего» . . . . .	137
В Сказочной стране. . . . .	138
Игра в слова . . . . .	140
Про Антарктиду . . . . .	142

## **АЛЛЕГОРИЧЕСКАЯ ПОЭМА . . . . . 143**

Странствия Ванечки Иванова. . . . .	143
-------------------------------------	-----

## **СОЗЕРЦАТЕЛЬНАЯ ПОЭМА . . . . . 178** **(отдельные части поэмы)**

Ты : Отблески . . . . .	178
-------------------------	-----

## **МИНИМАЛИЗМ ЖИЗНИ . . . . . 186**

Мелькают кадры. . . . .	186
Междометийные миниатюры. . . . .	189

# ПРЕДИСЛОВИЕ

## издательства

В слове «экзистенциализм» есть что-то манящее, странное, в нем — и глубокая трепетная суть, и нервные вывихи, и пугающее самоощущение собственной хрупкости. Для иррациональной природы человеческого существа свойственны воля к жизни в качестве главного инстинкта и душевные переживания, болезненные комплексы, которые эту волю подтачивают. Фигура личности вырастает до размеров Вселенной со всеми ее звездами и Вечностью. И тут же уникальность своего «Я» растворяется в мишуре повседневности, а сам Человек превращается в нечто маленькое, скользкое, спрятавшееся под панцирем, улавливая ранящие волны всех полей Социума.

Именно такие образы и размышления посещают читателя при встрече со стихами Владимира Шумилова. Категории грубой жёсткости мира, предопределённости страданий и конечного исхода сталкиваются с сопротивлением ума и сердца. Душа протестует; она стремится к гармонии и красоте, но в борьбе за выживание часто покрывается заскорузлой коркой и превращается в агрессивное орудие.

Поэтические строки автора наполнены неожиданными рифмами и словечками, за которыми открываются или угадываются какие-то переходные состояния «экзистенции». При этом в строчках или между ними удивительным образом появляется цвет и звук. Вот перед нами птичка с розовой грудкой, которую сейчас убьют, или тишина, которая словно «молотом по наковальне». «Звонкий хруст», «купола под серебро»; «звуки терпкие токкаты»; «коралловые блики», «чёрные столбы крестами», «шаманская песня», «вяленые лещи», «звон медалей», «зёрнышки на ладони» — одна за другой следуют очень зримые картины бытия.

Настоящими поэтическими иллюстрациями музыкальных произведений являются отдельные стихи: «Шотландская симфония», «Крушение Римской империи». Очень зримые образы — словно «стиховое кино». Жанр, который характерен для настоящего сборника. Многие стихи представляют собой словесное воплощение определенного визуального ряда, превращаются в своеобразные литературно законченные рассказы, описание жизненных ситуаций и реалий.

Экзистенциализм это «философия» бытия — со всей его противоречивостью, неустроенностью, страхами и обостренными чувствами. Конечно, никто не требует от Поэта философских текстов уровня Сартра, Кьеркегора, Ницше, Камю, Бердяева или глубинной прозы, как у Андрея Платонова. Однако в целом череда стихов Владимира Шумилова близко соприкасается с философией экзистенциализма. Человек в них часто находится на переломе, в обостренной ситуации, в кризисе, в индивидуальном аду, на грани выбора, на пределе или даже за пределами сознания. Погруженным в хаос — внутренний или внешний.

В настоящей книге собраны стихи разных лет — и удавшиеся, и не очень. Они — разнообразны по темам, стилю, размеру, словарю, и в то же время их роднит нечто общее: видно, что автор у них — один. За такими стихами часто не отдохнёшь, не расслабишься.

Философия экзистенциализма — очень русская сторона на человеческой ментальности, отражающая необъятный диапазон переживаний, истинный размах народной души. Вот почему автор называет свои сборники «стихами в духе русского экзистенциализма».

Автор распределил произведения в сборнике на несколько групп, несущих определенные родственные признаки: «Странствия», «Сонеты», «Экзистенция», «Сюр в картинах подсознания», «Между травой и облаками», «Среди людей», «Родина», «Детские стишки», «Минимализм Жизни».



Отдельно следует назвать две поэмы: аллегорическую поэму «Странствия Ванечки Иванова» и названную автором «созерцательной» поэму «Ты: Отблески» (она не окончена).

Тему «странствий» можно считать сквозной в творчестве Владимира Шумилова. Преобладающее большинство стихов пронизано движением: мелькают города и страны. Петербург, Ростов Великий, Астрахань, срединная Русь, подмосковная Истра, юг и север России, Урал и Сибирь («В Питере», «Байкал», «Кама»). Русская глубинка нарисована в стихотворении «Уездногородские картинки», в котором можно узнать и Валдай, и Сергиев Посад, и Боровск, и Вышний Волочёк, десятки других малых городов-жемчужин России. Автор переносит нас из России в Монголию, Шотландию, Хорватию. В «Гонке за Счастьем» города и страны чередуются, как стёклышки калейдоскопа. Словно из окна вагона мы видим окружающие пространства и обычных людей. И самого автора. Белобрысый Ванечка торгует картошкой на полустаночке, чтобы помочь семье («Из окна поезда»). Вернулся в край детства скиталец и не нашёл ничего, что осталось бы от прежнего и дорогого сердцу уклада («Встреча»).

Судя по разделу «Сонеты», автору интересна такая поэтическая форма, хотя заметны и отступления от канонов как по форме, так и по содержанию. Автор верен себе — экзистенциальному взгляду на Человека, в том числе на его духовную и физическую оболочку. Раздел начинается с «Сонета о Жизни» и заканчивается «Сонетом о Смерти», а между ними — и Душа, и Еда, и Слеза. Визуальная составляющая особенно проявляется, например, в «Сонете о Еде»: за медной решёткой в саду дворца идёт пир горой, а к решётке, прижав лицо к прутьям, «кушает глазами» голодный прохожий.

Раздел «Экзистенция» объединяет стихи, которые на первый взгляд разнородны по темам; общее в них — сильные

чувства, оттенки душевных состояний; пограничные и кризисные моменты; поиск своего «Я» или выбора Судьбы; самоидентификация и самоотчуждение.

Интересным и загадочным представляется стихотворение «На нижнем этаже», в котором поэт экспериментирует с рифмой: пейзаж — саквояж — фюзеляж — форсаж и т.д. Есть еще одно — экспериментальное — стихотворение с одинаковыми рифмами: закаты — набаты — магнаты — мандаты — догматы («К борьбе с Западом за новое мироустройство — будь готов!»).

И вновь пронизывающая тишина («Тёмной ночью»). Ступор и ощущение ненужности («Фея и Страшила», «Сон»). Абсурдистское видение реалий («История про бомжовый стол», «Виртуальный сон»).

Стихотворение «По мотивам библейских псалмов» прямо пересказывает картины из Библии и строчки псалмов: «Я стал как филин на развалинах..., питье моё растворяю слезами. Дни человека — как трава... Пройдёт над ним ветер, и нет его...» (псалом 102, 102).

«Путешествие в Космос» — переложение на поэтический язык впечатлений от музыки Баха. Некоторые произведения инициированы известными стихами маститых поэтов. «Экспромт. Quasi una fantasia» — подражание Фету, только с прямо противоположной идеей. «Всё кругом» — заочный идеологический спор с Зинаидой Гиппиус: невооруженным взглядом видна разница в мироощущении.

Характерной чертой философии экзистенциализма является зачастую сюрреализм. Элементы «сюра» — тоже сквозной прием поэзии Владимира Шумилова; они присутствуют во многих стихах — где строчкой, где образом. Тем не менее, выделена целая группа произведений, в которых сюрреализм присутствует явно и намеренно (раздел «Сюр в картинах подсознания»).

На первый взгляд, в строчках или в произведении в целом представлена некая бессмыслица, как на картинах

Сальвадора Дали. Сон и реальность совмещены. Вместо правильных форм, — абракадабра, хаос, фантасмагория.

Стихотворение «Портрет Неизвестного» — пример такой фантасмагории. Чем-то стихотворение отдаленно напоминает «портреты» средневекового художника Джузеппе Арчимбольдо. Однако по некоторому размышлению начинает казаться, что перед вами не бессмыслица, а изобилие смыслов, и каждый читатель может найти свой смысл. На такой свободе выбора и построен этот художественный прием. Показательным является произведение под названием «Опыт претенциозной бессмыслицы», в котором ритмический сюрреализм представлен во всей классической форме. Как известно, «словесный сюрреализм» появился благодаря Андре Бретону и Филиппу Супо; именно они создали из набора случайных слов поэму «Магнитные поля» (1919).

Вершиной поэтического сюрреализма в творчестве Владимира Шумилова можно считать стихотворения «Дом», «Хирург», «Оркестр». В этих стихах нет бессознательного и бескрайнего абсурда; абсурду и фантастике заданы определенные рамки. «Дом» — внешний контур, внутри которого развивается фантасмагория. «Дом» — это внутреннее состояние человека, а фантасмагория — это его чувства и переживания. Тут и «подушки с щупальцами», и «кисть былой руки». Стихотворение «Оркестр» погружает читателя (как до этого самого автора) вовнутрь симфонического произведения, и читатель «пасётся на скрипичных лугах», «лезет во взрыв», а оказавшись в окопе без ног, «плывёт наугад в океан». Смена музыкальных тем в предполагаемом концерте или симфонии вызывает соответствующую смену поэтических образов. Такие стихи будят мысль, встряхивают воображение.

Еще более сложным предстаёт стихотворение «Чернильница». Литературный герой находится в тёмной комнате, которую сравнивает с чернильницей; он одинок и немощен. Ему остаётся двигаться только мысленно — в воспоминаниях; он ищет «брод», отталкивается от времён, когда был свободен

и беззаботен, проходит через «пустырь страстей»; видит свою семью, которую покинул «птенцом»; снова дорога, «стук колёс», «столицы и дворцы». И вот впереди какая-то тёмная комната: герой всматривается в темноту и узнает в сидящем там человеке себя. Круг мысленного путешествия замкнулся. Своеобразное поэтическое рондо. Каждый может запутаться в дебрях ирреальности, в потустороннем мире нашей жизни; человек всматривается в пузыри и щели коллективной экзистенции, в пугающие черты окружающих лиц и «портретов» — и не видит выхода; снова и снова оказывается в тёмной комнате одиноким и немощным.

В сюрреалистическом разделе сборника читателя ждёт и ностальгирующий по прошлому письменный стол («Думы письменного стола»), и учебник философии, согласно которому Человек произошел от гриба («Из учебника философии»), и неожиданные приключения чудака, прячущегося «от сверла в вазе» («Приключения с умозаключением»).

В раздел «Между травой и облаками» включены стихотворения, связанные с природой: поэтические зарисовки, похожие на акварельные или карандашные наброски. Мы словно видим сцены в несколько кадров: ночная гроза; причудливые конфигурации пролетающих облаков; одинокая ёлочка, занесённая снегом. В стихотворении «В летний день на реке Истре» автору удалось мастерски запечатлеть момент застывшего мгновенья. В «Дачной зарисовке» перед нами по саду бегают дети; они шалят со всей своей неуёмной энергией, а дедушка, «словно старый граф», немного вздремнув, то посидит с ними на брёвнышке, то похлопает по спине. Общение поколений под ласковым солнцем. И пусть бы так было всегда! И в семье, и в стране.

Интересны по форме стихотворения «На даче жарким летним вечером», «Осень». Элементы сюрреализма добавлены в стихотворение «Наш сад». Сад представлен королевством, в котором есть охрана, гвардейцы, придворные дамы

и кавалеры. На задворках королевства, как и положено, обитают оборвыши и пролетарии — маргаритки.

Социум представлен произведениями, объединенными в группу под названием «Среди людей». Читатель пройдет вместе с автором по городу, заглянет в картинную галерею, проведёт один рабочий день, побывает в больнице и на современном показе мод («Город», «Картинная галерея», «Из инфекционной больницы», «Оно»). Обличительным характером выделяются стихотворения «Кое-что о Лжи» и «О племени клерков и ответработников». Экзистенциально-сюрреалистический образ представлен в стихотворении «Старый ворон».

Автор любит Россию — свою Родину. Это наглядно демонстрируется стихами из раздела «Родина». Сюда же включены, что символично, стихи, посвященные спутнице жизни поэта — жене Елене («Ожидание», «Послание», «Сага о Двоих»). Звучит щемящая проблема вынужденного разрыва связи поколений («Смотрит на меня мой дед...»). Семья рассматривается как неотъемлемая составляющая Родины. «Главное — семья и дом» — вот вечные ценности, которым привержен автор, наряду с цивилизационными ценностями Русского мира.

Владимир Шумилов — русский государственный, державник, патриот, остро переживающий случившуюся со страной «геополитическую катастрофу» с распадом СССР и идущие процессы утраты цивилизационных ценностей русского народа. Продажность элиты, её космополитизм, прозападный менталитет части сограждан, готовых отказаться от национальных традиций, от истории, даже от языка подвергаются острой критике и осуждению («Пятая колонна», «Замазученная ветошь», «Один день»). Автор пытается понять Душу Русского народа, его предназначение, призывает славян прекратить уничтожение друг друга в бесконечных распрях, подогреваемых извне («Размышления о Русском характере», «К размышлениям о России (Не стреляй в своего)»).

Он поддерживает «разворот страны на Восток» — только так можно уравновесить крен в сторону Запада, которого в видимом большинстве на деле придерживаются некоторые руководящие, предпринимательские и культурные деятели страны. Русская цивилизация — не Запад, не Европа; это самостоятельное пространство, которое вбирает в себя дополнительные черты Востока и Запада и перерабатывает их по-своему, в своих интересах. Апофеозом любви к Родине можно считать ряд произведений: «Земля, где живут Иван да Марья», «В Сказочной стране» и, конечно, же «аллегорическую поэму» «Странствия Ванечки Иванова».

В стихотворении «Баллада о новомученике русском» воспет подвиг 19-летнего солдата Евгения Родионова, отказавшегося, будучи в плену, добровольно снять православный крестик даже под страхом смерти. Тема православия как цивилизационной ценности, православной веры как основы Русского мира представлена во многих стихотворениях: православные соборы как пограничные столбы Русского народа. Трагедия гражданской войны на Украине нашла отражение в стихотворении «Послесловие к рождению Новороссии».

«Детские стишки» возвращают нас к детям. По замыслу автора, высшим проявлением социального благополучия в народе является чтение дедушкой или бабушкой книжки со стихами своим внукам. И папой или мамой — тоже. Первые словечки и манипулирование словом, разные формы слов и примеры словообразования («Веселилки», «Кто ты?», «Игра в слова»). Первые образы, в том числе одушевленные вещи — «арбузята», «топорята» («Потрудишься — повеселишься»). Включение ребёнка в коллективный социальный организм («Звуки Жизни», «Про деньги»). С этим знакомят детей стихи из нашего сборника, эти задачи ставит автор.

Идею «стихи как кинокадры» автор воплотил также в экспериментальных сериях «Мелькают кадры» и «Междометийные миниатюры». Иногда министишок по своему эффекту может сравниться с большим и серьёзным произведением.

Автор откровенно играет с рифмами. «На Земле — озерцо, у озерца — сельцо, в сельце — крыльцо, у крыльца — сенцо, на сенце — винцо, а винцо — дрянцо». И то, что автор любит междометия, — тоже заметно; они присутствуют во многих произведениях («Звуки Жизни»). Иной раз одно междометие может заменить целую сцену. «Тю!», — например.

Владимир Шумилов, судя по всему, пишет стихи с детства, хотя стихов в целом получилось немного — порядка 150-ти. Плюс две поэмы.

Поэма «Странствия Ванечки Иванова» названа «аллегорической» поскольку весь ее текст целиком — одна сплошная аллегория на состояние российского общества в постсоветский период. Многие образы также несут аллегорическую нагрузку. Поэма нестандартна по структуре, имеет новаторский характер.

Содержание поэмы сводится к следующему: жила-была семья Ивановых (со своей историей), да случилось несчастье — сгорел дом, погибли родители; детей — двух братьев и сестру — разбросало по детским домам. У каждого из них сложилась своя судьба. Ванечка Иванов отправился на поиски брата и сестры. По пути ему попадаются сказочные и полусказочные персонажи: дед-вещун, говорящая золотая рыбка, и даже НЛО с главным «сидельцем по Земле». Ванечка путешествует по России, живёт то там, то здесь. Ведёт его яблочко на специальном подносе. С помощью современной науки в ходе эксперимента Ванечка узнаёт местонахождение брата Степана. Степан, оказывается, стал приёмным сыном американского предпринимателя, превратился в Стива Джонсона. Два брата — тоже аллегория. Какой брат будет определять Судьбу России? Не случайно в одном из эпизодов дед-вещун бросает «загадочную фразу»: «Иль ты, или твой брат...», отмечая ею развилку исторической дороги страны в целом.

Во время странствий Ванечка пребывает в Добрянке и Дивногорске, в Болванском Носе, Арестани, на острове

Буян, в Мудленде и Лебедяни. И все эти места — аллегории на русскую жизнь в наших необъятных пространствах. В конце концов, Ванечка понимает, что Степан (Стив) — враг России, и дороги братьев расходятся окончательно. Ванечка находит сестру, город своего детства — Лебедянь, где, вроде бы, может стать «президентом». Послесловие об Иване да Марье подсказывает нам, что Ванечка нашел также и свою Любовь. Если Лебедянь — это прообраз всего русского в поэме, то Мудленд — образец прозападного извращения некогда Русского мира. Автор пишет: «Они «оевропеили» страну так, будто все мы у врага в плену». «Они» — это российская элита; «мы» — это русский народ. Говоря о Лебедяни, поэт отмечает: «Здесь, вместе с русским, все народы-племена — в единстве сильная великая страна. Здесь русский — всяк, кто за Россию». Структура, рифмы и образы поэмы, заложенная авторская идеология — всё это делает Поэму выдающимся, — по крайней мере, заметным, — произведением на поэтическом поле современной России.

Поэма опубликована на авторской страничке интернет-сайта «Стихи.ру» и получила множество отзывов. Среди них и такие: «Замечательная поэма! Сюжетная линия — превосходна, язык-словарь — на «отлично», русская — по ощущению звука при чтении вслух!»; «Прочитал от начала до конца с восторгом!»; «Неожиданные слова и мудрые словосочетания. Другой взгляд на мир»; «Удивительная поэма. У Вас получилось как-то необыкновенно жизненно, правдоподобно — сказочно и духовно-приятно»; «Ваша поэма — правдосказание!»; «Ну не в бровь а в глаз на каждом шагу!»; «Да Вы мудрец, однако»; «Глубина и размах поражают, как глубина и размах русской души».

Стихи в интернете — это одно, а поддержать книжицу с текстами необычных стихов, поразмышлять над ними на досуге — это другое. Желаем философских и творческих размышлений над строчками книги, развивающих интеллект и душу.





# СТРАНСТВИЯ

---

## **ВПЕЧАТЛЕНИЕ ОТ ПОЕЗДКИ В РОСТОВ ВЕЛИКИЙ**

Шершавых стен коснусь рукой —  
Камней холодных мёртвый ряд.  
Недвижим, нерушим покой.  
Лишь башни стражами стоят.

И тесный свет вдруг станет пуст.  
Над головой — заволокло.  
Опавшей ветки звонкий хруст.  
Да купола под серебро.

Ни времени, ни смерти нет.  
Ничто красы не победит.  
Как это было триста лет —  
Монах над росписью сидит.

Всё тот же вековой мотив  
Разносит колокол в ночи.  
На золотых крестах застыв,  
Молчат, нахохлившись, грачи.

\* \* \*

## **ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР В СУДАКЕ**

Плеск засыпающей волны,  
Теней бесплотных трепетанье.  
Парим у крепостной стены,  
Как под гипнозом ожиданья.



Моллюски чертят на песке  
Замысловатые фигуры —  
Вверх-вниз по шахматной доске,  
И вот он, мир земной, с натуры.  
И с «Чёрным доктором»\* в крови  
Умчимся за края заката,  
Исчезнув, сколько ни зови,  
Под звуки терпкие токкаты,  
В хитросплетениях смычка,  
Как в кольцах дымных от сигары, —  
Блуждать в скрипичных завитках  
И ворковать вдвоём — на пару  
В чудесном йодном закутке,  
Где чистым голосом бельканто  
Выводят чайки вдалеке  
И говорят на эсперанто.

Примечание: \* крымское вино

\* \* \*

## ЯНВАРСКИЙ ВЕЧЕР В СОЧИ

Есть за морем неоглядным  
рай, который мной заслужен.  
Прокачусь по Виноградской,  
расплескав по небу лужи.

Средь разлапистых растений,  
в беломраморных колоннах,  
зазовёт, играя с тенью,  
сказочный дворец бомондный.

Под закатными лучами  
чудятся дельфины сальто,  
пируэты жадных чаек,  
шум волны по пляжным галькам.



Принесут со дна морского  
мне жемчужины, кораллы —  
среди сумбура городского  
засияет перстень алый.

И коралловые блики  
пробегут по тёмным окнам.  
Умирает вечер тихий  
каплями по крышам мокрым.

\* \* \*

### **ДЕНЬ ПУТНИКА В АСТРАХАНИ** (пародийно-подражательное)

*Из Велимира Хлебникова:*

«Крылышкуя золотописьмом  
Тончайших жил,  
Кузнечик в кузов пуза уложил  
Прибрежных много трав и вер...»

\* \* \*

«Там, где жили свиристели,  
Где качались тихо ели,  
Прилетели, улетели  
Стая легких времией...»

\* \* \*

Путник путный в паутине —  
тонкорунный человек —  
напитался сине-синих  
нижневолжских струй и нег.

Шаг — нагайка. Шаг — ногойцы.  
Конь ордынский залетел  
стёжками на бранных палцах  
в гущу душ и пущу тел.



Там зашло пространство-время  
за дощатые дома,  
велимирово и пеня  
воцарилась кутерьма

меж стеклянных небоскрёбов  
и стекольных кусмачей.  
Заклубился мошкарёво  
жаркий полдень-вечерей.

Там сверлит зелёным глазом  
князь Владимир небеса.  
И плывёт, закрывшись газом,  
пышнотелая краса.

Мерный шаг земного люда.  
Над солёною водой  
задремал в раздумьях Будда  
и кивает головой.

\* \* \*

## **В ПИТЕРЕ**

Под шум трамвайных перезвонов  
слагаются, как ноты, в ряд  
витьё ажурное балконов,  
амуров томных перегляд.

Гуляют статуи устало —  
кто пешим ходом, кто — верхом, —  
и завсегдатаев квартала  
встречают сдержанным кивком.

А каково проулком невским  
среди зевающей толпы  
с самим столкнуться Достоевским!  
И молча отступить с тропы...



С матросским ражем, в бескозырке,  
стрелять по расписным дворцам;  
томиться в крохотных квартирках  
и сохранять любовь к жильцам.

Стоять, как будто бы на сцене,  
в прожекторе — и нем, и слеп;  
внимая фронтовой сирене,  
по крохам есть блокадный хлеб...

Святые стены — это НАШЕ.  
Пространство света — всё моё.  
Здесь воздух сам пропитан маршем.  
Здесь — старина, а не старьё.

Сплотясь единым экипажем  
в миру из камня, синих вод,  
незыблемо стоит на страже  
величественный наш народ.

\* \* \*

## **КАМА**

Лицо — фабричная панорама,  
из глаз чернильною кисеёю  
стекает полною и литою  
укрывшаяся от века Кама.

Релятивистские волны рушат  
законы времени и пространства,  
и обратимость непостоянства  
царит повсюду: в воде, на суше.

Щелчок — застыли плоты и баржи;  
под патефонные ретро-звуки  
ещё не повзрослевшие внуки  
молотят первые тонны каши.



Державно ухаёт медью гавань,  
а с лодки юные хулиганы  
бросают мелкого мальчугана,  
чтоб тот быстрее учился плавать.

Щелчок — и вялеными лещами  
полна житейская мелодрама.  
Среди забытого всемихлама  
улов — просоленными мощами.

Щелчок — заброшенные медали  
звонят в столе седого соседа.  
Щелчок — нет больше больного деда.  
Да и медали бесследно пропали.

Проходят гОды — берег всё глаже;  
пониже избы, и тех уж нету;  
разлетелись соседи по свету.  
Проходят годА, а река — всё та же.

\* \* \*

### ИЗ ОКНА ПОЕЗДА

За окном проносится,  
пролетает Русь.  
За многоголосицу —  
к черту — унесусь!

Гул агломерации  
в проблесках зари.  
Воет авиация.  
Строят корабли.

Тарахтят комбайнами  
спелые поля —  
будет урожайною  
матушка — земля.



Белобрысый Ванечка, —  
одиннадцатый год, —  
на ветхом полустаночке  
картошку продаёт.

Мужичонка седенький  
машет костылём:  
на деревне бедненькой  
обошли рублём.

Под сосной корявою  
вылезает гриб.  
Грибники оравую  
разругались вхрип.

Пусть живём как можется —  
пОтом и горбом.  
Счастье нам приложится  
когда-нибудь потОм.

\* \* \*

## УЕЗДНОГОРОДСКИЕ КАРТИНКИ

Бредёт лошадёнка  
по мостовой;  
трясёт бородёнкой  
возница седой.  
Стоит попрошайка,  
одёжка — с дырой;  
на балалайке  
играет слепой.

Предлагают шанежки,  
коржики, коврижки.  
Вот тебе — варежки,  
вот тебе — книжки.  
Просят только денежки:  
доставай кубышки...



Тявкает дворняжка:

        гость — не по нутру;  
тяпнула за ляжку —  
        скрылась в конуру.  
Молит богомолка  
        в церкви поутру;  
кто-то долго-долго  
        воет не к добру

        Бабка на завалинке,  
        в дерюжке-рогожке,  
прямо на проталинку  
        высунула ножку —  
        в разушитом валенке, —  
        на тропку-дорожку.

Гремит перебранка  
        в тёмном углу,  
Гадает цыганка,  
        сзывают ко столу.  
В окошке — котёнок  
        прижался к стеклу;  
чует, чертёнок,  
        дело — к теплу.

Разогрело солнышко.  
        Сказочка — сказка!  
Из косого дворишка  
        манит синеглазка,  
лёгкая как пёрышко,  
        щедрая на ласку.

\* \* \*





## ДОРОГА НА ИСТРУ — В РОЖДЕСТВЕННО

Из окрестных закоулков выбрались —  
и поехали!

На свободу хулиганы вырвались —  
да с потехами.

На Рублёвке поднажали —  
с матюжочками.

Кольцевую проскакали —  
завиточками.

Новорижское шоссе не стелется —  
не дождётся.

Как прижмёт, заканителит — стерпится.  
Посмеётся!

А кругом леса и дали —  
позакручены.

Параллели, вертикали  
да излучины.

Поворот за поворотом змейкою.

Вот и мельница.

В жерновах скрипит судьбой-индейкою.

Тихо мелется.

Дельтапланы с облаками  
состязаются.

Виражи за виражами  
ткнут, беснуются.

Из-за горки пирамида чудится.

Надвигается.

Будто гранями цепляет. Кружится,  
ухмыляется.

Косяком столбы крестами —  
знай, греховные!.

Сплошь насижены грачами  
полюбовными.



И налево, и направо крыши вкось —  
за заборами.  
Где людишки обитают вместе-врозь.  
С переборами.  
Не видать реки Маглуши —  
заболочена.  
Купола глазами скушай —  
позолочены.  
  
Обернулась тайна тихим омутом.  
Заколдованным.  
Чтоб забыться в яви, грустью тронутым.  
Очарованным.  
Затаиться за стенами  
монастырскими  
и за русскими плечами  
богатырскими.  
  
Опускается туман. Божественно!  
Вновь стою от воли пьян. Рождественно!

\* \* \*

## **ВСТАНЬ И ИДИ**

Вид раздавленной лягушки  
Под колёсами в пыли.  
Вид раздавленной лягушки —  
Это я на раскладушке  
На окраине Земли.  
  
Морда сплошь в кровоподтёках,  
Ранами покрыт мой труп.  
Морда сплошь в кровоподтёках —  
Всё, что в жизненных потоках  
Завершило круг.



В плывунах торчит коряга;  
Вместо дерева — эрзац.  
В плывунах торчит коряга —  
Сохранилась в передрягах.  
А теперь - абзац.

Что разлёгся, лежебока,  
Нет тебе пути?  
Что разлёгся, лежебока?  
Вечная с тобой морока,  
Но ведь надобно идти...

Хватит шастать по пустыне,  
Пыль глотать.  
Хватит шастать по пустыне.  
Лучше в зарослях полыни  
Нам умирать.

\* \* \*

### **В МОРШАНСКЕ**

Вот здесь стоял господский дом,  
и жизнь размеренно текла.  
Шумели липы под окном.  
Жужжала над цветком пчела.

Мелькали ленты и чепцы.  
На рынке в трудовом пылу  
манили всячиной купцы:  
купите к барскому столу.

Свет известковой белизны  
забытых всеми уголков —  
как след потерянной страны  
и отражение веков.



Горят на солнце купола.  
Сияет небо чистотой.  
Зовут, зовут колокола —  
к истокам старины святой.

Судьба подчинена мечтам:  
сбылись несбыточные сны:  
Вновь я иду в тот самый Храм  
по берегу цветистой Цны.

\* \* \*

### **ХОРВАТИЯ**

Хорватия, Хорватия,  
Как я хочу обнять тебя,  
попрыгать по волне твоей,  
побегать по стране твоей.  
Как будто бы мы братья...

\* \* \*

### **В НОРВЕЖСКОМ ФЬОРДЕ**

Поверженный когда-то великан,  
в шершавой чёрно-синей шкуре,  
подобно грубо-обработанной скульптуре,  
лежит бездвижно, головою в океан.

Добыча троллей, он как будто спит:  
не чувствует ни горестей, ни боли.  
Блестит проплешина, натружены мозоли.  
Уснул, приняв неотразимый вид.

Из ран надрывно хлещут родники,  
срываясь на изломанные рёбра.  
По впадинам зловеще и недобро  
сползают свыше ледяные языки.



Глаза пещер — жилища горных фей —  
застыли в водах зыбким отраженьем;  
своим печальным, кротким выраженьем  
влекут искателей мистических затей.

\* \* \*

### **ВАГОНЫ, ВАГОНЫ...**

Вагоны, вагоны:  
цистерны, платформы...  
Подъёмы, уклоны —  
по вырезам горным.

Несут на рессорах  
по шири сибирской,  
лесистым просторам  
поток пассажирский

к неведомым далям,  
к судьбе-океану,  
где нету печалей,  
где счастлив я стану...

Бежишь, колея?  
Где ты, там и я.

\* \* \*

### **БАЙКАЛ**

В середине страны великой,  
между гор из кедровых шишек,  
притаилось седое лихо:  
то запенится и задышит,  
встрепенётся тугой волною;  
то заснёт от шаманской песни,  
обернётся рыбой рябою —  
синим омулем в небе пресном.



Шевельнёт плавником — ненастье;  
стаи ласточек и бакланов  
пропадают у мыса в пасти;  
волей пьяного урагана  
разметает живое в клочья.  
После лижет мёртвой водою,  
одаряя туманом и ночью,  
благодатною ворожбою.

Предрассветную ранью черпай  
трепет выпрошенных симфоний,  
что буряты, ставшие нерпой,  
наколдуют в твои ладони,  
помышляя о благе и чуде;  
машут ластой по изобате —  
так ушедшие в море люди  
зывают своих собратьев.

Хороводит солнце по кругу.  
Стать бы статуей золочёной —  
пусть обвяжут лентами руку  
в ожидании обречённом\*.  
Помолюсь за кого угодно,  
за последнего из изгоев:  
нас от вечности до сего дня  
отделяет черта прибора.

\* Примечание:  
по бурятскому обычаю цветные  
ленточки привязывают в святых  
местах к статуям, деревьям для  
обозначения просьб и желаний

\* \* \*



## В ШОТЛАНДИИ

Холмы придавлены веками,  
овечки тучные бредут,  
туманы слиты с облаками,  
ручьи молочные текут.  
Зачем я оказался тут?  
Какими тайными путями  
судьбой шотландских королей  
охвачен? В думах, ранах  
скачу среди пустых полей  
из замка в замок спозаранок  
по вереску. Собранью клана  
несу набор благих вестей:  
Стюартов сохраним у власти.  
Пусть цветёт чертополох!\*

Избавим от любой напасти  
народ свой. Нет дорог  
для англичан. Мы на порог  
не пустим их,  
а разорвём на части.

\* \* \*

По воле злого драматурга, —  
не на коне (не так красиво), —  
очнулся в пабе Эдинбурга  
за пинтой пенистого пива,  
с бутылкой, что для нас не диво,  
ядрёных виски, и в окурках.  
Зудит залиvisto волынка.  
Закуски нет, и хаггис\*\* съеден.  
Надены килт\*\*\* и по Ордынке —  
пардон, по Ройал Миль\*\*\*\*— поедем  
гулять куда-нибудь к соседям  
по развесёлой, по старинке.



А лучше, чем иным двуногим,  
овечкой сытой, с голым торсом,  
щипать зелёные отроги,  
поросшие травой-ворсом.  
Страна, прославленная Бёрнсом!  
И будем вечными, как боги...

Примечания:

\* чертополох — национальное растение шотландцев

\*\* шотландское блюдо, напоминает ливерную колбасу

\*\*\* мужская юбка

\*\*\*\* главная историческая улица Эдинбурга

\* \* \*

## ВОСПОМИНАНИЯ О МОНГОЛИИ

Несётся по степи гнедой,  
и всадник — словно в пьяном танце:  
в угаре пляски ездовой  
стегают дикого упряма.

Монголия. Твой путь сокрыт  
среди холмов, в иссохших реках,  
в гульбе истоптанных копыт;  
в родах, сменявшихся извека.

Суровый, многотрудный быт  
непреходящего уклада  
история давно хранит:  
семья, колодец, юрта, стадо.

Глоток кумыса, зов луны,  
верблюжья поступь каравана —  
всё, что осталось от страны  
прославленного Чингисхана.





Я пробираюсь по пескам  
среди колючек и надгробий —  
к чужим садам, другим мирам...  
Но всюду — лишь пустыня Гоби.

\* \* \*

## **ВЕРБЛЮД**

Идёт по пустыне верблюд — за оврагом овраг.  
И пусть тяжело — нипочём ему жажда и зной.  
Пусть впали бока, но по-прежнему царственен шаг.  
Как будто здесь он — рулевой.

К обманчивым далям влекут седоков города,  
зелёные рощи и отдых в прохладной тени,  
но только верблюд приведёт их туда, где вода, —  
его к миражам не гони.

К руке осторожно притронется тёплой губой,  
слизнёт благодарно и робко листок второпях,  
и вспомнит себя верблюжонком той, давней, порой, —  
с извечной печалью в глазах.

Он смотрит вперёд, терпеливый, как все мудрецы.  
Хрустит под ногами песок — снова дальний поход,  
а сын караванщика держит его под уздцы  
и песню гортанно поёт.

\* \* \*

## **ПУТЕШЕСТВИЕ НА СЕВЕР**

Заунывный монолог, —  
глаза в печали, —  
под смятение дорог  
и слов нечаянных.



В келью путаной судьбы,  
в игру, в метели, —  
царство кружев и резьбы —  
зашли без цели.

Поступь вихрей ледяных.  
Тюрьма в просторах.  
Руки — соединены.  
Прочны затворы.

Закружило, замело.  
Ступеньки — скрыты.  
Явь как сон. Белым — бело.  
И мы — забыты.

\* по впечатлениям от Концерта для скрипки  
с оркестром Яна Сибелиуса

\* \* \*

## **ВСТРЕЧА**

Защемило бывшее:  
лица, праздничный дом,  
чудный плен травостоя,  
счастье дней чередом,

мельтешенье домашних,  
зов мирских пирогов  
и касаний всегдашних;  
взгляды, полные слов.

Миротворность покоя,  
свет хмельной бытия...  
И махнув на земное,  
втайне бросился я



к позабытым пенатам, —  
чтобы нерв оголив,  
залечить рубцеватый,  
застарелый нарыв.

На ступеньках вокзала,  
прилетев, посидел.,  
как сидят прилипалы  
на поверхности тел.

Не осталось былого:  
журавлей и синиц;  
ни зовущего слова,  
ни касаний, ни лиц.

Не дождался рассвета...  
Нет тепла в пустоте.  
И, как был, разодетый,  
тотчас прочь улетел.

\* \* \*

### **В ДОРОГУ НАВЕРХ**

Соберёшься в дорогу,  
возьми хлебца немного,  
соли щепотку,  
вина — залить глотку,  
посох — в поддержку,  
на лицо — усмешку,  
дулю в кармане,  
бурю в стакане.  
Утри свои слюни,  
брось свои нюни,



привыкай к ухабам.  
Не скатись к слабым.  
Мотай всё на ус,  
пусть мучит гнус  
и чавкает грязь.  
На гору залазь!  
Глянь с высоты...  
Вот наверху и ты!

\* \* \*

### ГОНКА ЗА СЧАСТЬЕМ

Так расположена судьба.  
Плетётся по тропе арба.  
Верблюд шагает по пустыне.  
Возок завяз в густой трясине.

На бричке мчится господин  
не то в Париж, не то в Пекин.  
По тракту прётся таратайка,  
в ней развесёлая хозяйка.

А следом дрожки с мужиком —  
набиты скарбом и добром.  
Гонец с депешей — в дилижансе.  
Чиновник тащится — весь в трансе —  
в повозке-тройке по земле  
с понурой клячей во главе.

В санях, телегах, тарантасах,  
в драндулетах, на пегасах —  
за грани видимых пространств,  
в Австралию, в Сибирь, в Бердянск,



кто — голышом, кто — кувырком,  
гужом, пешком, гуськом, бегом,  
в дубравы, дебри, за жар-птицей,  
чтобы блистать в Москве-столице,

за счастьем гонится народ.  
Сменяется за родом род.

\* \* \*

А я смотрю на них в окно:  
Ведь счастье — рядом, вот оно...

\* \* \*



# СОНЕТЫ

---

## СОНЕТ О ЖИЗНИ

В бульоне формул, где царил сумбур,  
возникло нечто, словно ниоткуда.  
Гармония из звёздных увертюр  
творила чудо — и случилось чудо...

Загрохотали пульсы бытия;  
вселенская энергия — в движение.  
Из клеточки выросли и ты, и я.  
Для наказания или в поощренье.

Готовые любить, обнять весь мир.  
Проникнуть острым разумом в глубины.  
Согреть земной и неземной эфир.  
Жить вечно — над природой властелином.

Увы, неисправима круговерть:  
за Жизнью неотступно, рядом, — Смерть...

\* \* \*

## СОНЕТ О ДУШЕ

Вдогон за толпами — беспутно и бесцельно —  
По звукам гонга и под свист плетей  
Бредём сквозь царство скверны и теней  
И вдруг находим то, что вечно и бесценно.

Пусть дни и ночи чередуются бессменно  
Под окрик аспидов и зов поводырей,  
Из-под зловонных цепких пузырей  
Взрастёт душа в пространстве безразмерном —



Из нечистот и грязи мира,  
В презрении к земным кумирам,  
Как хрупкая, прозрачная звезда.

Мерцанием, проснувшись ото сна,  
Неведомым влечёт она  
В бессмертье, в неизвестность, в никуда.

\* \* \*

### СОНЕТ О ЧЕЛОВЕКЕ

Вдохни лишь Душу в прах — и вышел Человек,  
безвестной силы плод, случайное создание,  
увечным разумом творящее деянья, —  
как сор, попавший на блуждающий ковчег.

Парящий в небесах и запертый в отсек,  
природой двойственной заполнен в наказание:  
то просит помощи и жаждет покаянья,  
то смерть несёт и враг всему из века в век.

Он слаб и добр, охочий до работы...  
И топчет всё, чего коснётся, без заботы.  
Наивным юношей он мчится за мечтой,  
поднявши голову, — в презренье и гордыне,  
а старцем дряхлым умывается слезой  
где дом стоял и где повержены святыни.

\* \* \*

### СОНЕТ О КРАСОТЕ

Куда же ты, там срам и чернота;  
там ржа, и красотой не пахнет даже.  
Ищи, где непорочна нагота  
и где жива гармония пейзажа.



От красок света, линий, чудных фраз,  
дыхания божественного звука  
мы замираем, чувствуем экстаз.  
Вбирать прекрасное — Судьбы наука.

Однако почему так манит тлен,  
срамные позы, хрипы и руины,  
изломанные куклы, плач сирен,  
рубцы, осколки, ржавые машины?

Выходит, Красоте зачтем в удел  
и скрип, и ржу, и переплетенье тел?

\* \* \*

### СОНЕТ О ЕДЕ

На длинный стол в соленьях и вареньях,  
богатый дичью, подали борща,  
паштеты, языки, индейку в овощах.  
Лобастый поросёночек в кореньях

зрит, как терзают с вдохновеньем  
окорока, сердца, мозги, леща,  
набросившись на яства сообща,  
отравленные соковыделеньем.

И пусть кровенаполненный бифштекс,  
включив природный наш рефлекс,  
исчезнет во плоти за крепкими зубами.

Глядь, человечешко, моща мощёй,  
из-за забора кушает глазами,  
прижавшись к прутьям головой.

\* \* \*





## СОНЕТ О ПРЕПЯТСТВИЯХ

Сколь ни бежишь по жизни, всё равно  
ты лбом упрёшься в запертые двери.  
Не важно: может, там — черным-черно...  
Ни року, ни гаданиям не верим.

Перед стеной не действуют ключи.  
Стучимся, рвём замки, ломаем пальцы.  
Сама судьба не в силах облегчить  
вхождение упрямым постояльцам.

Иссохнув в ожиданиях, без сил,  
прельстившись кем-то выдуманным раем,  
мы, в переутружденье жалких жил,  
перед фатальной дверью оседаем.

Не взяв барьер, смириться не грешно.  
Пусть чёрное останется черно.

\* \* \*

## СОНЕТ ОБ ОРГАНИЗМЕ

Кишки, лопатка, печень, почки,  
Костей и сухожилий сочлененья  
Уложены, как в образцовой бочке,  
Таинственным фантомом-провиденьем.

Ты в рот кладёшь белки и витамины,  
Разносит их по клеткам кроветок.  
Взамен включается словесная лавина,  
Которую питает мозг и мозжечок.

Напрасно ухает, урчит живот,  
А толку — чуть едва,  
Всё производство — прямиком в отход.



Но больше ли даёт нам голова?  
Хоть плачь, хоть утопись в колодце,  
Вопрос — один: что миру остаётся?

\* \* \*

### СОНЕТ О ПРЕДВЕСТИЯХ

Ещё незрело втуне вьётся мысль,  
а твёрдая рука наносит кистью  
мазок, ещё мазок — ты только уместись,  
картина, образованная жизнью.

Ещё не занесён над головой  
тот бич, которым искромсают тело,  
а ты от страха, словно неживой, —  
душа уже от плоти отлетела.

Предвестник потрясений — мёртвый штиль.  
Грядущее несёт свой отпечаток.  
Песчаной бури знак — простая пыль,  
как глас Судьбы, — и явственен, и краток.

Оспаривать Судьбу нам не дано.  
С предвестниками спорить суждено.

\* \* \*

### СОНЕТ О СЛЕЗЕ

Не стоит целый свет твоей слезы,  
дрожания ресниц, печали горькой.  
Мне больно, словно по углям — босым —  
иду на казнь походкою нестойкой.



Я тихо утешения шепчу,  
незримо разрываюсь от страданий,  
склоняюсь молча к твоему плечу —  
приму твою печаль без колебаний.

Слеза, стекающая по лицу,  
как след открывшейся душевной раны,  
подобна судьбоносному резцу  
в слепых руках жестокого тирана.

Забудь про всё, утри скорей глаза.  
Мне нужно многое тебе сказать.

\* \* \*

### СОНЕТ О СМЕРТИ

И слово оборвётся, мысль не передав;  
рука, в движении навстречу, онемееет;  
и словно в выученной роли лицедея,  
среди неисчислимых жизненных забав,

смеющийся актёр вдруг оседает на пол.  
Мечты, тревоги, дом — теперь уж всё равно.  
Кому что говорил и что там за окном?  
Сажают ли на трон или сажают на кол?

Останутся лишь ждать привычные вещицы.  
Им не нужны чужие руки, лица —  
ни новые друзья, ни ветер перемен.  
Застывшие мгновенья станут просто пылью.  
И это всё, что получаешь ты взамен,  
исчезнув в зазеркалье мимолётной былью.

\* \* \*



# ЭКЗИСТЕНЦИЯ

---

## ПЛОТЫ ПЛЫВУТ...

Куда течёт вода-водица,  
река широкая стремится,  
плоты плывут?  
С собой зовут.  
Как будто счастье где-то там —  
за простотою панорам,  
за далью.  
Да путь туда весь полон драм,  
и каждый шаг — напололам  
с печалью.

Что прячет за рекою дымка,  
прикрыв как шапкой-невидимкой  
мои мечты  
от суеты?  
Какие страны, города,  
победы, трудности, нужда  
сокрыты?  
И, может, вовсе без следа,  
как клад, грядущие года  
зарыты...

\* \* \*

## ОГОНЁК

В беспросветной мгле — огонёк.  
Кажется, спасение — там:  
сделаю последний рывок —  
и вернусь к родным и друзьям.



Прочь пойди, и холод, и мгла.  
Только мне метель не унять.  
Дай коснуться снова тепла.  
Только прежним больше не стать.

Напрочь занесло колею:  
нет ни одного существа.  
Словно тут конец бытию,  
стынут на морозе слова.

Руку кротко вдаль протяну —  
не поймать далёкий тот свет;  
не пробиться через стену,  
чтобы встретить новый рассвет.

Всё труднее каждый шаг.  
Ясно: миру не до чудес —  
всё бледнее мой огонёк...  
Утонул в ночи... и исчез.

\* \* \*

### НА НИЖНЕМ ЭТАЖЕ

Ах, какой, бля, пейзаж:  
Кочка - хлюп, сверху - хлябь.  
Мне б открыть саквояж  
Да пуститься в нем вплавь.

Мне б к нему фюзеляж,  
Чтобы к небу взлетел.  
Да включить бы форсаж  
И со скоростью стрел

Унести к облакам,  
Погрузиться в кураж...  
Показать дуракам...  
Заменить антураж.



Но выходит лишь бзик:  
Гнёт к земле такелаж.  
И просвет — только блик,  
Только неба муляж.

Мне бы хлопнуть стакан —  
Ну, такой я типаж.  
Замутить балаган,  
Впасть в хмельной эпатаж.

Вдруг откроется брешь,  
Подоспеет фураж,  
И тогда лишь отрежь —  
И спокойно в тираж.

Ан унылость кругом.  
Да, не тот, бля, витраж.  
Грязь дави сапогом.  
Это - нижний этаж.

\* \* \*

## **НОЧНЫЕ ВИДЕНИЯ И СТРАХИ**

Горит огарочек свечи,  
                                мерцает.  
Как тень колышется в ночи  
                                и тает,  
расплывшись дымом, нагота —  
                                виденье.  
Раскинув руки, чернота  
                                саженью  
накрыла тонкий фитилёк  
                                сонливый.  
Застыл на нити паучок  
                                пугливый.



То ли в углу лежит покойник,  
мёртвый,  
то ли колотит в дверь разбойник  
тёртый.  
Испуг, озноб, ожог  
и завыванье.  
Далёкий лай собак  
и трепетанье  
души нестойкой. Страх!  
И в спальне  
бьёт тишина в ушах  
по наковальне.

\* \* \*

## СОН

— 1 —

Сон, сон, сон.  
Снится звон:  
динь-дон, динь-дон...

А может, не снится;  
и вовсе не звон —  
чёрная птица  
улетела вон.

Нет, и не птица,  
а чей-то клон...

— 2 —

Сон, сон, сон.  
Снится не звон, а стон;  
лики с древних икон.



Клыками блестит волчица.  
Или стая ворон  
ищет, чем поживиться.  
Динь-дон, динь-дон.

Целят в глазницы  
со всех сторон...

Сон, сон...

\* \* \*

### **ТЁМНОЙ НОЧЬЮ**

Какою чернотой объята тишина.  
И звук исчез, и краски — напрочь стёрты,  
как будто из невидимой реторты  
излито кем-то содержимое до дна,

и в пустоте пространства время гаснет;  
искра, не осветив и пяди, умерла.  
Свет выгорел, осталась только мгла.  
Душа всё холодней и беспристрастней.

Какою тишиной чревата чернота.  
Немые человечки шепчут в уши  
всё то, чего не надо слушать,  
и потому не слышно ни черта.

\* \* \*

### **ПРОЩАНИЕ С ОТЧИМ ДОМОМ** (сентиментальное)

Посижу на тёплом брёвнышке  
в очарованном бездумье,  
подержу в ладони зёрнышки,  
разомлею на беду мне.





Посмотрю на дом с калиткою,  
погадаю на удачу,  
попрощаюся с молитвою  
и тихонечко заплачу.

Уведёт дорога стёжками —  
ни позвать, ни оглянуться.  
Зарастёт травой прошлое —  
чтобы больше не вернуться.

\* \* \*

### ОДА МЛАДШЕМУ БРАТУ

О многом, что было, лучше молчать.  
Оставить в душе оплаканной ношей.  
Братишке исполнилось только дней пять.  
Младенец, как все, — такой же хороший.

Ручонками держит мамину грудь,  
внимательно смотрит умненьким взглядом.  
Чуть-чуть покачай его как-нибудь  
и большего, вроде, детке не надо.

И мне — поиграться — дали мальчика.  
Румяные щёчки, тонкая шейка.  
И светловолосый, точно в отца.  
Андреем назвали, значит — Андрейка.

Я брата прилежно к сердцу прижал,  
сказал, что отдам ему все игрушки  
и детский стишок ему промышал,  
и что-то шептал ему в мелкие ушки.

А ночью нежданно вышла беда.  
Андрейка вдруг умер быстро и тихо;  
покинул меня и всех нас навсегда.  
И жить бы да жить, да ударило Лихо.



Наутро, когда совсем рассвело,  
его унесли без родных и прощанья,  
и мама вослед целовала стекло,  
застыв у окна в беззвучных рыданиях.

О брат мой, живущий в дальнем эфире!  
Чем дальше ты сам, тем голос твой громче.  
Наверное, вырос и школу окончил...  
Как здорово было б нам в этом мире!

\* \* \*

### «МЫ ДАЛЁКОЕ ЛЮБИЛИ»

Мы далёкое любили,\*  
Мы смертельному смеялись.  
Мы родное позабыли,  
Одинокими остались.

Нас высокое манило,  
Светлое звало в дорогу.  
Суетою раздавило,  
От лежалого — изжога.

Нежное щеки касалось,  
Тёплым душу наполняя.  
Лишь остывшее досталось —  
Переполненным до края.

Люди доброму учили,  
Злое делать не велели.  
Наставления — зарыли,  
От учений — очумели.



Сущее окинем взглядом.  
Тайное судьбе открыто:  
Жалкое, с потёртым задом,  
Спит у разбитого корыта.

\*строчка из стихотворения  
Н.Гумилёва «Сада-Якко»

\* \* \*

## О КЛЮЧАХ

Вдруг опутает мерность  
пустотелюю формой  
и увидится скверность  
там, где чудилась норма.

Защемит бессюжетность  
в повседневной клоаке,  
утомит одноцветность,  
как жизнь у макаки.

И зашторишь ты окна,  
запузыришь ключами,  
убежишь от пустотной  
хандры и печали,

улетишь от оскомин  
за деньгами и пэрством,  
повидаешь хоромин,  
глотнёшь флибустьерства.

Заполучишь в награду  
порывы и бездны,  
пропадёшь в перепадах —  
надолго, бесследно.



Да наевшись вещами,  
излазивши свет,  
прибежишь за ключами,  
а ключей-то и нет.

\* \* \*

## **АЛГОРИТМ ЖИЗНИ** (притча)

По струнам пробежал смычок  
в шальном глассандо.  
На свет явился мотылёк...  
Не плачь, Кассандра.

Обрывок, брошенный портным.  
От бумазеи.  
Несётся по небу, как дым.  
Мечтой, идеей.

Над бесконечностью стремнин —  
на зов цветенья;  
над полновесностью корзин —  
лоскутной тенью.

В саду роятся мотыльки.  
Преддверье рая.  
Летят, летят на огоньки.,  
и там сгорают.

\* \* \*

## **ВАЗА**

Среди безделиц и ненужностей,  
в пустом углу, на подоконнике,  
несовершенна по наружности,  
забыта ваза в чёрных слониках.



По вазе бегают мальчишечки,  
играют мирно в куклы девочки;  
в руках у папы с мамой книжечки,  
а на ветвях резвятся пеночки.

На вазе есть и дед, и бабушка,  
есть пароход, плывущий в Африку.  
На мягкой травушке-муравушке  
стоит корзинка с лёгким завтраком.

Старозаветная идиллия  
покрылась пылью, как туманностью, —  
как проявление бессилия  
перед несбывшеюся данностью.

Бежала мышка нехорошая,  
толкнула вазу в пропасть хвостиком,  
и ваза разметалась в крошево.  
За черепками просим в гости к нам...

\* \* \*

## ОБ ЭФЕМЕРНОСТИ СТИХОСЛОЖЕНИЯ

Огонёк убогой лампы  
меж ресницами мерцает.  
Гаснет мир. Хореи, ямбы  
в сонном воздухе витают —  
ткут стихи.

Вплетены слова в стяжочки,  
образы и мысли — хлёстки,  
выползает строчка к строчке.  
Россыпью — тесьма и блёстки;  
шьют штрихи.



Холст готов, и нитки прочны.  
На ковре — вся жизнь в натуре  
и духовных позвоночных,  
и порочных тварей в шкуре.  
Врут слова!

Расползлись хитросплетенья.  
Полотно не держит вязи.  
В свете утреннего бденья  
разлетелись строчки, связи.  
Спит молва...

\* \* \*

### **ФЕЯ И СТРАШИЛА**

Трясёт в пути узколейка,  
в вагоне всякого и всяких — много,  
и фея ватной душегрейкой  
тебя, промёрзшего и злого,

прикроет молча с головою,  
закрыв от мата и разборок.  
Наутро серою толпою  
тебя затопчут в общий морок —

изжёванный, в отрепьях, ком;  
отбившегося шакалёнка  
неласково отпнут мыском,  
как шелудивого котёнка.

Ты видишь на чужом столе  
горбушку, недоступный супчик, —  
и фея сверху, пожалев,  
погладит твой измятый чубчик,



и втиснет в сжатый кулачок  
ломоть засохнувшего хлеба,  
будто свалившегося с неба,  
и лука горького пучок.

В окне на чьём-то огороде  
торчит на палке что есть силы  
не то фигляр, не то уродец —  
оборванный герой Страшила.

Он, вроде бы, махнул рукою,  
и на лице неярко, зыбко  
с затейливостью шутовскою  
гуляет добрая улыбка.

\* \* \*

## ИСТОРИЯ ПРО БОМЖОВЫЙ СТОЛ

Стол — иссохший параллелепипед,  
изрезанный морщинами нехороших слов, —  
из общежития был за пьянство выперт,  
а ведь наряду с клозетом — основа основ.

Вволокли его бомжи с помойного фронта  
в собачью конуру, только без собак;  
исходя из врожденного обширного горизонта  
подпёрли зОнтом, — осталось места и на лежак.

Сели чинно вдвоём праздновать победу,  
достали припасы, с килькой консервы;  
при том, что в пузе — звуки, и время — к обеду;  
стол что надо: остатки чьих-то пиров и резервы.

Палёной водки — с полбутылки осталось.  
«Ну что, поехали, брат Колька?»  
Горбушка засохшая — самая малость,  
после шкалика — занюхать только.



Не то сыр, не то селёдка — на тарелке облезлой,  
хвост у селёдки, кажется, мышь погрызла.  
Оставить другим — с её стороны очень любезно.  
И вообще в таком поведении много смысла.

Почитали надписи — про маму и про «иди ты»,  
обсудили, поспорили даже на богатые темы.  
Не какие-нибудь там шаромыжники и бандиты,  
а философы из заслуженной бомжовой богемы.

Жаль, аква вита финита\* — чему не рады.  
Столько трудились — и поводов столько.  
Хлопнул Колька по столу с досады —  
и развалился он на четыре дольки...

\*аква вита финита — водка закончилась

\* \* \*

## ДРАКА

Он сжимает кулак. Запустил им в меня.  
Кулак улетел за черту обозримости.  
Второй следом свистит — вот така-а-я клешня!  
Попал точно в зону лиловой светимости.

Глаз из-под синяка погрузился в туман.  
Я ногой крутанул дугу — будто бы пьян;  
как ласточка сделал па и выдал серию  
пенальти по неуловимой материи.

«Ну, гад!» — воет он, и прямиком по печени,  
пропускает меня в совершенный отруб.  
Держись давай, печень! И я тоже верченый:  
на испуг беру, с виду блажной душегуб.





«Ах ты, гад!» — кричу. Черепом по носу бью.  
Толпа вокруг. Радостно хлопают зрители.  
Толковище гуляет: пророчат ничью.  
А я соглашаюсь только на «Победителя».

Парень подло нацелился между ног.  
Ботинок уж вот он — и спёрло дыхание.  
Соскользнул в лужу, двигаться больше не мог,  
свернувшись, как стебель в пору умирания.

Но потом я стащил его в сумрачный низ.  
Сцепились катаясь в воде вместе с кровушкой.  
Дельтаплан наверху рисовал экзерсис.  
А мы так и брызгались, как два воробышка.

\* \* \*

## КИТАЙСКИЙ ИЕРОГЛИФ

Всё, что вы видите, —  
вы видите не то.

Авторский афоризм

Берёт жестянщик штуку железную —  
раз-два, и выходит нечто.  
Заклёпку прилепил — и бесполезное  
умаслит бывшие мечты.

Какая польза в чайнике дырковом?  
Но если кто знает дело,  
направит прямо в суть свои зыркалы —  
и «суть» кипятком запела.

Опять же возьмём тело: всего в нём есть...  
Однако не каждый видит.  
Ну, ясно, что пальцев только пять, а не шесть  
у данного индивида.



А всякие там почки и лёгкие;  
                                не дай бог — кишки и ниже?  
На это — врачеватели ловкие:  
                                насквозь узрят нас бесстыже.

К чему нам философия праздная?  
                                А чтобы увидеть больше...  
Сквозь оболочку — плоть несуразную;  
                                биение сердца — в толще.

Китайский иероглиф — не взять ни зги,  
                                не влезть в перекрестье линий.  
Оглянешься вдруг — и скривишь мозги,  
                                как вопиющий в пустыне:

повсюду иероглифы — с тайною...  
                                Их полчища, легионы.  
Что видите вы? Мудрость бескрайнюю?  
                                Иль палочки под наклоном?

\* \* \*

## ОДНАЖДЫ В ФЕВРАЛЕ

Я вижу: от своей избушки,  
в руках со старенькой воздушкой,  
бредёт пацан, в снегу по пояс,  
могуществом и счастьем полнясь.  
Играя первую охоту,  
Идёт на взрослую работу.  
Добыча на ветвях щебечет,  
как будто мир наш вечен,  
и кто-то, с розовенькой грудкой, —  
в прицеле старой душегубки.  
Щелчок — и нету птички вольной.  
Всё быстро и совсем не больно.  
Над тёплым тельцем побежденным



мальчишка замер удивлённо:  
пусть лес и кажется безбрежным,  
он никогда не будет прежним.

\* \* \*

### **ПРО БУКАШЕЧЕК — НЕДЕТСКОЕ**

Под травиночкой тонюсенькой,  
жизнерадостно зажмурившись,  
желтобрюшечка-букашечка  
машет лапкою малюсенькой.  
Заторможенно, заслушавшись,  
пучеглазая мордашечка,

из-за лепесточка глядячи  
на росинушки и капельки,  
в изумлении дивуется,  
будто с солнышком играючи.  
Паучишкам всюду хаханьки.  
Муравьишка лихо трудится.

Только вдруг вся эта живопись  
содрогнулась: человечие,  
разогнав пичуг и пташечек, —  
сколь ни прячься, как ни выставись, —  
расшалившееся детище,  
сапожищем — «хрясь !».  
И нет булашечек.

\* \* \*

### **О МАЛЬЧИКЕ В ЧУЛАНЕ**

Наказала мама мальчугана:  
Пошалил, нашкодил, отличился.  
Посадила в полумрак чулана,  
Чтобы пыл остыл и повинился.



Из щелей полезли светотени,  
Невидадь, фантазмы, вурдалаки.  
Заходили ходуном ступени.  
Вот и здесь не обошлось без драки.

Всех разбил. И рядом с дохлой крысой  
Он присел, осматривая раны.  
Мама двери распахнула, как кулисы, —  
И Герой выходит из чулана.

\* \* \*

### **ПРИШЕЛЕЦ И НАДЕЖДА**

В отсветах лунных явился пришелец.  
Лопочет чудно, но, однако, не немец.  
Откуда ты к нам, удалой иноземец?  
А он протянул на ладони предмет,  
Зарницей сверкнул — и вот его нет.

Будь он хоть трижды какой-нибудь немец,  
Спасибо тебе, чудной иноземец.  
Вовнутрь заглянул я вещицы резной:  
Надежда прикована цепью стальной.  
Я цепь разорвал — и надежда со мной.

\* \* \*

### **О ДИССОНАНСАХ**

Плыву, зову — в глубоком трансе;  
Трясёт — как в старом дилижансе.  
И рядом кто-то стонет, плачет...

Открыл глаза под зов романса  
Годов забытых декаданса —  
Сижу за пиршеством на даче.



Никто не видит диссонанса,  
Сидящего во мне нюанса...  
И жизнь кругом поёт и скачет.

\* \* \*

## ПО МОТИВАМ БИБЛЕЙСКИХ ПСАЛМОВ

Сыплет иней, как пепел.  
В мире душно и страшно.  
Только мертвенный ветер —  
Моя доля из чаши.

Я один среди сброда  
В этом тесном вселюдьё —  
Сплошь источенным плодом  
На фарфоровом блюде.

Я кричу от терзаний.  
Я почти умираю.  
Над сосудом слезами  
Питьё растворяю.

Вот и кончена жизнь,  
Истожилась в печали —  
Филин с вечных пустынь  
Среди пыльных развалин.

Наши дни, как трава:  
Дуновенье — и нет нас.  
Лишь людская молва  
Поруганием предаст.

И рассыплется плоть —  
Как изъедена молью.  
Захлебнётся Господь  
Нашей мукой и болью.

\* \* \*



## ВИРТУАЛЬНЫЙ СОН

1.

О, этот мир...  
В нем правило буравчика  
Диктует, как вам жить,  
и в кадре —  
Всё миражи и виражи ...  
И глаз раздатчика  
Священнодействует.  
Летают ядра  
Зловещей желчи,  
ненависти,  
злости.  
Отмаливает падре всех у бога,  
чтобы  
Исправить габитус  
и души.

2.

На море и на суше  
царит цуг-цванг.  
Ты — жалкая фелюга  
в большой воронке,  
Куда, цепляясь друг за друга,  
в общий банк  
Мы попадаем —  
пусть кто-то делит нас в сторонке,  
Как дивиденды.  
И снова на тебе одна сермяга...  
Неважно, кто ты был, —  
трудяга или скряга —  
Всем сердце пепелит  
и горло сушит.



3.

Да, этот мир — Палата № 6,  
в которой душат,  
Под звук гадулки бьют  
и лечат вшивость пчёл.  
Тут надо заслужить,  
чтоб гонобобель кушать.  
Долбёжные станки пыхтят!  
А рядом, загрузив котёл,  
В предчувствии жратвы  
танцует ёхор  
Богдо-Гэгэн. Играют в го,  
проигрываясь чохом,  
Ругаясь матом,  
барабульки и бельдюги.

\* \* \*

**ВСЁ КРУГОМ\***

Белое, желтое, красное, синее;  
чуточку слабое, но — чаще — сильное.  
В слабости — гордое, в силе — открытое,  
нежно-растущее, светом умытое.

В детской кроватке утром орущее;  
властно-упрямое, к цели ползущее.  
Мудро-спокойное, трудолюбивое,  
грустное, мягкое, очень счастливое.

Труднодоступное и суперсложное,  
но для разумного не невозможное...  
Жизнь порождая и ею рождённое,  
гнилью и слизью не побеждённое.



Умное, щедрое, косности чуждое,  
смерти и горю равно неподсудное.  
Цельное, чистое, веское, ёмкое,  
покою — тихое, иногда — громкое.

Звёздно-прекрасное, к тайнам зовущее,  
пусть и опасное, всё же влекущее.  
Стойко-железное, к боли привычное.  
Слёзы смахнув — за работой обычною.

Хрупкое, доброе, в добром — широкое,  
разумом светлое, духом — глубокое.  
С верой, надеждой, любовью бредущее.  
Вечно бессмертное, сущее, сущее...

.....

.....

Пусть время уходит, пусть тают года,  
мы знаем, мы верим: так будет всегда.

\* Навеяно стихотворением  
З. Гиппиус

\* \* \*

## Э К С П Р О М Т

Стылым воздухом охвачен,  
Брошен, болен, всё — немило.  
Я бы прожил жизнь иначе,  
Да ведь всё уже в ней было.

Затуманен взор усталый.  
Ты коснись меня пожарче.  
И опять мне мало, мало...  
И не надобно иначе.

\* \* \*





## ЭКСПРОМТ. QUASI UNA FANTASIA\*

Просветленье.  
Озаренье.  
Будет день.  
Под лучами,  
Под часами  
Таёт тень.

Вот и время —  
Ногу в стремя.  
Повернуть.  
К устремленьям,  
Дерзновеньям.  
В новый путь.

Нет сомнений,  
Сожалений.  
К чёрту грусть.  
Долго мчаться.  
Может статься,  
Не вернусь.

\* Прочитав «Quasi una fantasia»  
А. Фета

\* \* \*

## ЭКСПРОМТ № 3

Сквозь рябь и шорох,  
калейдоскоп  
причудливых теней,  
забытый ворох  
заплесневелых  
мыслей и идей;  
в разводах скучных,  
полузатёртых  
потолков и стен



житейской бучи  
мне слышен пульс надрывный  
тонких вен.

В безбрежном поле  
не совладать  
с коварностью тенет.

Известна доля,  
тех, у кого  
ни сил, ни воли нет.

В хрустальном круге  
цветных миров,  
где были ты и я,  
фантом разлуки  
всё превратит  
в осколки бытия.

\* \* \*

## ОТКРОВЕНИЕ

Облаком дымным,  
Образом сладким,  
Тает зазывно,  
Манит украдкой.

Мчишься бесстыже,  
Юный и дерзкий.  
Вот она ближе...  
Мигом недетским

Выпьет, утянет  
В дивные дали.  
Но облако вянет.  
И образ отняли.

\* \* \*



## ШОТЛАНДСКАЯ СИМФОНИЯ\*

### Часть 1. Аллегро

Обманчив и коварен штиль,  
Когда вокруг на сотни миль  
Висят над морем облака,  
И без дыханья ветерка  
Волна не вздумает играть,  
Не всколыхнет морскую гладь;  
Природа, утомившись, спит,  
И Север бережно хранит  
Её размеренный покой,  
Разлитый мертвою водой.  
Но только боже сохрани  
Тому, кто морю не сродни,  
Поверить этой тишине:  
Поверившие — все на дне.  
Вдруг вздрогнут небо и земля,  
Как страшных два богатыря.  
И вот уже несётся вал —  
Бессильны парус и штурвал;  
И пропасть за бортом бурлит:  
Сама судьба здесь суд вершит.

Вот в этом северном краю  
В смертельном бешеном бою,  
С надеждою — приплыть домой,  
Схватился с бездною морской,  
Вблизи родных своих берегов,  
Корабль шотландских рыбаков.  
Горой вздымается волна,  
За ней бежит еще одна;  
Клокочет, пенится, звенит  
И судну дерзкому грозит.  
Скрип палубы, зловещий вой,  
Туман — холодную росой;



Рёв, грохот, крики, стон,  
Кромешный ад — со всех сторон.  
На скалах — мириады слез  
Блестят, как десять тысяч звезд,  
Мерцают в воздухе, в воде,  
В широкой рыжей бороде.  
В могучей музыке борьбы,  
Как под ударами судьбы,  
Стоит, не дрогнув, человек  
В надежде — как из века в век.  
Чернеют рифы впереди,  
Встают погибелью в пути,  
Как звери дикие, ревут  
И путников к себе зовут.

Но, завершив свои дела,  
Туда, откуда и пришла,  
Уносит непогода шквал  
Со всем, что он в себя вобрал;  
Нет больше средь морских полей  
Ни волн огромных, ни людей;  
Туман уже лениво спит,  
И только воздух чуть дрожит.  
Ни облака, ни корабли  
В едва светлеющей дали  
За чистой синью не видны;  
Лишь в клочьях пены буруны,  
Да лишь поверх уставших вод  
Зюйдвестка черная плывет...

## Часть 2. Виваче

Крики, танцы, гам на суше,  
Детский смех кругом звенит;  
Но остановись, послушай —  
Море траурно шумит.



В песнях, музыке шутливой,  
Что рекою нынче льются,  
Звуки скорбного мотива  
Едва слышно раздаются.

Впрочем, право, что за дело!  
Будем вместе веселиться,  
Чтобы море закипело,  
Чтоб в похмелье позабыться.

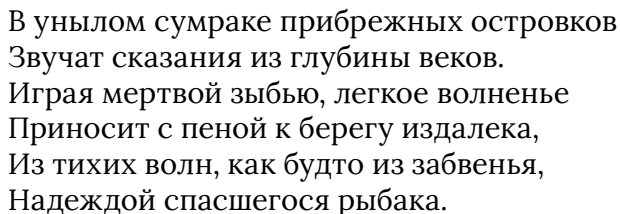
После снова ждет работа,  
Смерть уже сейчас смеётся;  
Может быть, уж завтра кто-то  
В дом родной свой не вернётся.

Утром проводить к причалу  
Женщина придет с тоскою,  
И с надеждою, устало  
С берега махнёт рукою...

### Часть 3. Адажио

Под низким небом колдовским веленьем,  
Как в тихом озере немое отраженье,  
Являются в твоём воображенье  
Старинных замков зыбкие черты —  
Беззвучным гимном вечной красоты,  
Волшебным, призрачным виденьем.

Вдруг зашумел мир зла и доброты  
Неумолимой музыкой седых лесов,  
В дремоте плачущих на сотни голосов,  
Где под спасительным покровом темноты,  
Как в утомительном, бредовом сновиденье,  
Танцуют чудища в глухом уединенье.



\*по впечатлениям от  
«Шотландской симфонии» Феликса Мендельсона

## ПУТЕШЕСТВИЕ В КОСМОС\*

## І. В ПУТИ

Черная хлябь. Страшная темь. Всполохи в фиолетовом.  
Похоже на явь, но не совсем. Холодно, неприветливо.  
В звездной пыли горит огонёк. Плоскости — изгибаются.  
То ли вдали дребезжит фитилёк, то ли пространство  
кончается.

Тени лучей, иней ночей, космы стеклянного света.  
Мимо очей в стыках путей осколки миров и планеты  
Тихо и чинно падают вверх пластикой умирания.  
То ли на копнах танцует стерх, то ли — плазмослияние.

Куда ты? Зачем? К кому? Для чего? В космосе —  
одиночество.  
Там — Ничего. Лишь — Божество, как в письменах и  
пророчествах.  
Нет океанов, полей и лесов — чья-то программа  
сбывается.  
То ли в телеге скрипит колесо, то ли пульсары  
взрываются.



## II. ОДИН

Хватит по свету мотаться и мыкаться — крохой бедовою,  
Коконом пришлым в землистой среде взывать  
с отвращением,  
Биться о стены, переть наобум, окаянной коровою  
Жёваным счастьем питаться, плодить искушения.

Всхлипам и плачу не выцедить душу, в ознобе палёную.  
Руки изломаны в крестном знаменье, лицо —  
перекошено.  
Прошрое с будущим брошено в прорубь студёную.  
Вечность болтаться в пучине — страшно и тошно.

Прелые листья повозка сметает в промозглые сумерки.  
Дом твой давно стал привычной облезлой ловушкой-  
тюрьмою.  
Не келья, а клетка. Что с тобой стало? Не умер ли?  
Где ты на Млечном пути? За какую звездою?

Плеском надежд отзываются дали белесые —  
с просинью.  
Проблески, в пурпур, за сводом мерцают ночным  
наваждением.  
Не удивить нас глазами линиялыми, лешою проседью,  
Долгим молчанием, поступью путаной. Ну,  
с возвращением...

## III. СРЕДИ ИНЫХ

Ты стал другой. Словно нагой, полуприкрытый  
рогожею.  
Толпы гурьбой вместе с тобой тропами перехожими  
Переполазют с престола в гной, прячутся под корягами.  
То ли застит свет неземной, то ли сыт передрягами.



Плюнуть на всё. Окриком взять. Ужом отползти  
в омерзении.  
Дранный осёл, чтобы соколом стать, должен пройти  
превращения.  
Что-то не так у вас на Земле. Рушится мироздание.  
То ли умчать напролом на метле, то ли давать обещания.  
Просто поплачь. Завтра палач придёт в твоё  
одиночество.  
Посвист — и вскачь. С собою — калач. Не лгут письмена  
и пророчества.  
То ли взаправду, то ли во сне в награду за  
долготерпение  
Кто-то огромный, в свете и тьме, промолвит: «Ну,  
с возвращением...».

\*по впечатлениям от Концерта И.С. Баха для трёх  
клавесинов с оркестром (соч. № 1063)

\* \* \*

## ТРАНСФОРМАЦИИ

По законам шальных молекул  
изменяется мирозданье.  
Ты сегодня домой заехал,  
а назавтра — всем до свиданья.

Растворился. Исчез во мраке.  
Утонул в однородной каше,  
как не нужная свету бяка,  
отработанная парашей.

В прахе слеплен архистратигом.  
Вроде, всех ты умней и краше.  
Но космическая мотыга  
не спеша твой прах перепашет.





Из материи выйдет нечто.  
Перемелется. Разотрётся.  
Так устроена кем-то вечность:  
там нагреется, здесь взорвётся.

Превратится тепло в туманность,  
затерявшись в бескрайней стуже,  
— очевидная свыше данность,  
как слеза в помутневшей луже.

\* \* \*

### ОБРАЩЕНИЕ К МЫСЛИ

О Мысль! Ты правишь мною? Иль я — тобой?  
Судьба играет Мыслью? Или она — Судьбой?  
И что в тебе такого — я не пойму:  
то выражена Словом, то — просто «му-у».  
То золотом блистаешь, то — как булат.  
То барышней предстанешь, то — как солдат.  
Застрянешь в голове — хоть удавись.  
Утянешь в бездну — или поднимешь ввысь.  
То расцветает брызгами огней  
и россыпями дорогих камней,  
то прячешься по щелям и углам —  
и кто же знает, что ты готовишь там?  
Но, Мысль, настанет время: в один из дней  
пойдёшь своей дорогой, а я — своей.

\* \* \*



# СЮР В КАРТИНАХ ПОДСОЗНАНИЯ

---

## ЧЕРНИЛЬНИЦА

Не комната — чернильница. Не нужен свет.  
А я... Я восседаю, как король чернил.  
Незрячему не важно видеть весь балет:  
он чувствует и «видит» всё, как старожил.

На дне несостоявшихся потерь и слов  
нащупываю я во тьме надёжный брод  
сквозь радостные вопли приставных шутов  
и сумрак обещаний от людских щедрот.

К заре, всплывающей из стародавних грёз,  
когда блуждал тайком в неведомых мирах,  
где не было ни горестей, ни горьких слёз —  
лишь лживый дух свободы на семи ветрах.

За толщей черноты угадываю я  
ожившие картины одушевленных снов:  
как тихо у камина ждёт меня семья,  
зовущая давно потерянных птенцов;

крутой водоворот влечёт в игру теней,  
в кружение друзей — полузабытых лиц;  
и падает листва на пустыре страстей;  
и превращаются птенцы во взрослых птиц.

Твоя ладонь чуть теплится в моей руке.  
Под танец хрусталя щебечет стук колёс.  
Умчимся далеко как были, налегке,  
от простоты углов и подобострастья поз.



Остались за спиной столицы и дворцы;  
надежд пустых непобедимая орда;  
сияние даров — венцы и леденцы.  
И ясно, что я больше не вернусь туда.

За ярким залом, в закутке... Там кто-то есть.  
Останови шаги, переступив межу.  
Он притаился в черноте — таких не счесть.  
А-а, это я в своей чернильнице сижу...

\* \* \*

**ОПЫТ ПРЕТЕНЦИОЗНОЙ БЕССМЫСЛИЦЫ,**  
за которой каждый угадает свой смысл

Плодовитость  
        вонючих марионеток  
Ядовито пухнет  
        снежно-розовым комом  
И в отрывке  
        стеклянной болью  
Гладит лезвием  
        народные массы.

Политэкономия тебе — это  
        не фунт изюму:  
Её за килограмм селедки  
        не купишь,  
Как за парчовые блёстки  
На холодных струпьях  
        сросшихся  
        близнецов  
Не продадут,  
        будто на ярмарке тщеславия,  
Кожаную обивку кресел  
        и полированную поверхность.



За них,  
    как за всякую горсть пыли,  
Попросят  
    на два поросёнка больше:  
За газ, знаете ли,  
    надо расплатиться,  
Да и свет нынче очень тёмн.

А пока внизу,  
    где зажигаются звёзды,  
Меркнут чёрные дыры  
    для негров,  
Задушенные типографской краской  
    и лестью,  
И пульсирующие вены  
    расцветают фонтанами,  
Где-то,  
    у самого Бога,  
    за семью печатями,  
Полусумасшедшие мешки  
    с банкнотами,  
И даже не мешки,  
    а просто тузы  
    с шестёрками,  
Уверенные в непогрешимости  
    абстракций и решёток,  
Завязывают кругами  
    на воде,  
Будто ничего лучше  
    нельзя  
    придумать,  
Руки и головы  
    в паутинные  
    сети, -  
Так, что перед сетью  
    комар,  
А за нею —  
    ладонь прихлопнет ...

\* \* \*



## ПРИКЛЮЧЕНИЯ С УМОЗАКЛЮЧЕНИЕМ

Вонь, возня и чьи-то вопли,  
Гул машин, густые сопли,  
Вдрызг напившийся друган,  
Полушизик, горлопан,  
Рвётся выхухоль спасти,  
Дохлых кошек подбирать.  
В зенки чёрным смотрит дуло —  
Дёрнул в первый закоулок.  
Там — наросты, горбуны,  
В тенях вьются колдуны —  
Без намордника нельзя;  
На восток — твоя стезя.  
Повернул, куда сказали,  
Чтобы пятки не лизали.  
Вот такая парадигма:  
Либо мёдом, либо клизма.  
На востоке у набоба  
В колбе плещется амёба;  
За три квачи продаю.  
Реквием звучит в раю.  
В клетке — жёлтый марабу;  
Будет время — зашибу.  
Изнурён, ошпарен, выбит,  
Спозаранку залпом выпит.  
От сверла таюсь в кювете.  
Пошло, братцы, жить на свете.

\* \* \*

### ДОМ\*

В сокращеньи жил храпит перина.  
Душные подушки, щупальцами в бок.  
Со стены наперебой картины  
гавкают утробно, целят в потолок.



За стеклом нога пинает розу.  
Синим отликает кисть былой руки —  
не отменишь скрюченную позу:  
вмазан в батарею, склеен в узелки.

Изо рта бегом плывут солдаты,  
шпагой машет остромордый генерал;  
крысы пули льют, как из ушата,  
бьют и маршируют девочек в подвал.

Рухнул мост. Страничек стаи кружат.  
Гости разбежались по туда-сюда.  
В прах решётки и замки из кружев.  
Чуден веселящий дым, дудит нуда.

Вот в стене открыт пролом — спасайся!  
Чуешь сырный дух и шёпот колбасы?  
Не протарахтит трофейный «шмайсер»,  
не перешмыгнуть из лесополосы.

На столе засеребрят озёра,  
клавиши подъезда будят мыслей пук,  
чтобы захлебнуться нежным хором,  
спрятаться в сундук от сущего вокруг.

Ожил вновь смолёный дом-скворечник,  
закрутился ровно чёрною дырой.  
Не сыскать ли острый наконечник —  
и висеть на нём, висеть вниз головой..?

\* начитавшись Хармса

\* \* \*



## ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОГО

Лупоглазый и вислозадый,  
Без намордника, ростом — с пень.  
Жижей харкает из засады.  
Языком чистит нос весь день.

Вперегиб потянулся за пивом.  
Вымя нагло глядит в разрез.  
С драным ухом и воплем гугнивым  
На соседнюю особь полез.

Отрывает козявке крылья,  
На руке пальцев шесть или семь.  
Покрывается слизью и пылью.  
Макароны не ест совсем.

На плечах — балахон мохнатый,  
Из одежды — все так, дрянцо.  
Вечерами поёт кантаты,  
Оскопляя себе лицо.

\* \* \*

## ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОГО - 2

Болван от Бога, бельмо в глазу,  
В другом — тревога, и тот — внизу.  
Жердями — руки, оглоблей — стан,  
В зубах — застрявший таракан.

Копытом пишет, в корыте спит.  
Когда трясёшь его — молчит;  
Поставишь — лезет волапюк,  
Такой выходит с ним кунштюк.



Живучий — дустом не возъмёшь,  
Лишь гнёт своё, ядрёна вошь.  
Опасно если, вдруг чего, —  
Отбросит хвост, и нет его.

\* \* \*

## ДУМЫ ПИСЬМЕННОГО СТОЛА

Зудят проплешины. Горох чернил.  
Подслеповат от выслуги батрачей.  
Осел. Раздулся. Кабинет не мил.  
У старика подагра, не иначе.

Скребётся, было, чиновья рать;  
без уваженья к сану, пустомели:  
листок на лысину — писать, писать...,  
настороже голодные портфели.

Пустое всё: где их теперь труды?  
Перемарали тонны целлюлозы.  
В каких конторах себе трут зады?  
Эх-хе-хе-хе! Одни метаморфозы!

А был хозяин — не чета им в ряд.  
Перелопатил души мозгоправов.  
Достанет шкалик: «Наливай-ка, брат. —  
Невмоготу исследование нравов».

На полке брошены с десяток книг.  
Мы создавали их, не уставая.  
Я погружал его в сумбур интриг,  
в огонь. Да я такие тайны знаю!

И что теперь? Не действует наркоз.  
Задрапирован. Сломана лодыжка.  
Стою в тени, не вытирая слёз;  
переживаю снова наши книжки.

\* \* \*





## НЕВЫДУМАННАЯ И СТРАШНАЯ СКАЗКА

Послушай, мой мальчик.  
Я хочу рассказать тебе сказку,  
которая приключилась со мною  
совсем недавно.  
Не знаю, что с нами случилось,  
только это почему-то казалось  
очень и очень страшным.

Видно, мир где-то дал трещину,  
а пока её латали,  
стягивая края разлома  
всесильной сваркой  
или сшивая кожу земли  
шелковыми нитками,  
люди не могли вернуть себе  
привычного им обличья.

Это где-то далеко-далеко,  
наверное, за синим океаном,  
рассердившийся на дождик дядя  
топнул ногой по зеленой поляне.  
Топнул, да слишком сильно.

В то же мгновенье  
лица у людей исчезли:  
вместо добрых глаз  
засияли чёрные глазницы,  
вместо улыбок —  
страшный оскал мертвецов.  
Куда ни глянь —  
все на одно лицо.



По улицам и дорогам  
неспешно брели скелеты —  
каждый по своим делам.  
В залах, где люди слушали  
великого Вивальди и Бетховена  
забелели выжженные солнцем  
кости черепов и ребер.  
А сами музыканты на сцене  
гулко застучали по скрипкам  
непослушными костяшками пальцев.

В музеях у бессмертных картин  
заскользили безмолвные духи,  
одетые в пиджаки и брюки.  
Кто-то закричал, забился,  
побежал к родному человеку,  
голову на грудь ему склонил,  
но увидел вдруг: за грудью пусто...

За столом,  
накрытым водкой и шампанским,  
за бокалом, разговорами и сплетнями  
улыбались мирно и счастливо  
полуусталые скелеты и скелетики.

А трещина давалась нелегко.  
Из глубины её шел смрадный запах,  
как будто все грехи людские  
варились там,  
вливая в мир всё подлое и злое  
мутными глазами пузырей.

И щедрая рука, протягивая помощь,  
Вдруг стала к шее подбираться.  
Сосед участливо спросил о доме  
и неожиданно беззубой челюстью защёлкал.  
Я к другу побежал, а вместо друга  
увидел лишь узлы суставов.



Я никого не узнавал, метался,  
клат руки на плечо прохожих,  
окрикивая их, но вместо лиц —  
знакомые оскалы и провалы.

И трогали меня, и тоже звали,  
стучали по спине, за руку брали,  
но убедившись, что и я — как все,  
отшатывались, будто в исступленье.  
Мой мальчик, это наважденье  
прошло, как только залатали рану.  
Всё тотчас стало на свои места.

Пожалуйста, когда ты будешь взрослым,  
не топай сильно по лесной поляне,  
не сердись на дождик и на ближних.  
И тогда тебе, быть может,  
повезёт чуть больше, чем кому:  
мир заживёт без трещин и разломов,  
а люди будут мягкими, прямыми.  
Я так хочу, мой добрый мальчик,  
Чтоб ты не видел их такими,  
какими все при жизни не бывают.

\* \* \*

## ОРКЕСТР

Тебя извозили смычком,  
по клавишам проволокли,  
под скрежет и гул Земли  
загнав за Можай прямиком, —  
  
пасть на скрипичных лугах,  
где крики — вразлад-в унисон,  
и что это: смех или стон?  
...И ноты в сонатных стогах.



Но нет, тебе мало нот.  
Ты лезешь куда-то во взрыв.  
Войну или мир пережив,  
лежишь в окопе без ног.

А после, вскочив, ты бежишь...  
Стоишь наверху, словно пьян.  
Плывёшь наугад в океан —  
в прохладную, звучную тишь.

И чья-то родная рука  
коснётся твоей головы —  
исчезнут и раны, и швы;  
останется свет на века.

Заплачет тайком клавесин;  
залает, как пёс, контрабас —  
как будто бы он тебя спас  
и дальше тебе идти с ним.

\* \* \*

## ХИРУРГ

Сергею Васильевичу Колесову  
и всем хирургам ЦИТО — с благодарностью

Он режет тебя и режет...  
Под зубчиков хруст и скрежет  
безжалостных пилок и пил.  
А ты где же был? Где ты был?

За гранью земных секретов  
тебя, оказалось, нету.  
Разверзшееся нутро —  
как ржавое чьё-то ведро.



Он ищет. Иголкой тычет,  
ведомый силой привычек:  
поймать, перештопать, спасти,  
насильно стащить с полпути.

Но прятался ты по кущам —  
по облакам всемогущим.  
Ты думал, что лучше уж ТАМ...?  
Ну нет, давай к нашим садам!

\* \* \*

## **ХИРУРГ-2**

Как лодочка, плывёт рука  
по коже — по бескрайней глади,  
от позвонка до позвонка,  
в багровой ряби — пядь за пядью.

Пристала чудом к островку —  
распавшимся деталям пазла,  
истёртым на своём веку,  
разбросанным несообразно.

Увечным, грыжевым, чужим —  
предавшим целое в единстве.  
Рука сгребает их большим  
кольцом, свободным в самочинстве;

сжимает в хрупкий симбиоз —  
и ну, соединять друг с другом  
в организованную тучу ос;  
в машину, прущую по кругу;

в роскошный дом из кирпичей.  
Проснувшись, бьют ключом нейроны.  
Слышны фанфары трубачей.  
Лицо в повязке, гегемоном,



склоняется — и скальпель тут.  
Колдует, как над тёплым тестом.  
Коллеги штопают и шьют,  
пока не встанет всё на место.

Теперь за лодочку — игла:  
поразвлеклась — и уплыла...

\* \* \*

### **ИЗ УЧЕБНИКА ФИЛОСОФИИ**

Жил-был гриб,  
помещённый в рамки  
временных фрустраций и декораций.  
В красной, с пятнышками, панамке, —  
словно случайный полип  
в Организации объединённых наций.

Златая цепь  
причинных связей  
звенит, как свалившиеся червонцы.  
Противоречия из лечебной грязи  
всколыхнули и степь,  
и тонкие пространственные волокна.

Но что за бытие  
с его сущностью нежной,  
если за отрицанием не следует отрицания ?  
Произошло неизбежное:  
в грибово житие  
форма больше не соответствует содержанию.

Где жил один,  
теперь кубатура:  
за количество дали россыпь качества —  
улучшение лица и фактуры.  
Атом или токсин  
превратили грибы в землячество.



Посетил их Разум,  
причём всех сразу.  
Стоят они на ножках — и размышляют.  
И не изжить заразу.  
Наступила новая фаза:  
мир познают и мечтают.

И снова чудо:  
появилась вторая ножка.  
Совершенство — или мутант и калека ?  
Немножко добра и худа,  
а войны — множко...  
Так гриб и стал Человеком.

\* \* \*

### **НА МАШИНЕ** (в стиле «рэпа»)

Восемь миллиардов. Восемь миллиардов машин.  
Странные это машины: без водителей;  
некоторые — без шин.  
Некоторые летают; бывает, ползут.  
Такие всё и всех перетрут.  
Гусеницами тяжёлых корпусов — сразу видно, кто крут.

Странные это машины: в них можно гулять и есть.  
Закатиться, например, к морю и там осесть.  
В них есть города и сёла. Весёлые и невесёлые.  
С жильцами полуголыми, голыми и бесполыми.

В аравийской пустыне берберы страшные.  
Страшные, безобразные, бесшабашные.  
Для них верблюды ценнее, чем люди.  
А люди — хороши, если голова на блюде.



В Африке жутко дикие племена. Такая страна.  
У них из одежды только колпачки на пиписках.  
Чем длиннее колпачок, тем шире его миска, —  
начальник, значит. По-нашему, вождь или старшина.

Для всех привычно, а для меня — чудо.  
В пустых машинах являются ниоткуда  
маленькие человечки. Только что не было — и вот он.  
Орёт, ножками сучит, бурбон; ему  
подавай не машину, а фургон.

Смотрю дальше, что будет. Так энтот шкет —  
не прошло и двадцати лет —  
достал пистолет, убил банкира и сел в тюрьму.  
Не кушать ему теперь хурму; никто и не даст ему.

Мелькают горы, овраги, зигзаги.  
Попутные дорожные знаки.  
Вижу свадьбы, разводы, труды, передряги.  
А люди в машинах — дорога плохая? —  
всё чаще не появляются, а исчезают...

Куда исчезают? Что это за шутки?  
Только что был, не прошло и минутки.  
Дорога — убогая или кривая? Машина — чужая?  
Не знаю, не знаю...

\* \* \*





# МЕЖДУ ТРАВОЙ И ОБЛАКАМИ

---

## ПЕРЕД НОЧНОЙ ГРОЗОЙ (летняя зарисовка)

В чёрном облаке  
расступилась тень.  
В божьем окрике  
вдруг зажёгся день.

Космы — лучики  
осветили луг.  
Дали — скрючены,  
на лице — испуг.

Под собачий вой  
дождь стучит в окно.  
Сморосил слезой —  
и опять темно...

\* \* \*

## ДАЧНАЯ ЗАРИСОВКА: ЛЕТО

Под шелест листьев, запах роз  
кантату птичьих голосов,  
качанье сонное берёз  
и зов гороховых стручков  
резвятся детки на траве,  
пинают мяч юля волчком,  
шалят, стоят на голове,  
и скрывшись в зарослях тайком,  
шкодливо шепчутся вдвоём,  
чего бы вытворить потом.



Хозяин, словно старый граф,  
вальяжно в кресле развалясь,  
все мысли споро перебрав,  
вздремнул нечаянно и всласть.  
Очнулся, деток похвалил.  
Уселся с ними на бревне  
и нерастраченный свой пыл  
явил, похлопав по спине.  
Желая счастья стране  
на той же благодной волне.

\* \* \*

## НА ДАЧЕ ЖАРКИМ ЛЕТНИМ ВЕЧЕРОМ

Закат.  
Шуршанье ёжика в траве.  
И очень томно.  
Отпад.  
Гуляет ветер в голове  
и лесом тёмным.  
Сидит  
Ворона на берёзовом пеньке.  
Спит втихомолку.  
Зудит  
Комар на розовой щеке.  
Да всё без толку.  
Покой.  
И надо бы ловить мгновенья,  
пока — прохлады.  
Домой!  
Нет сил на шевеленья —  
ложись, не падай.



Кого  
Зовёт в лесном пруду  
со дна лягушка?  
Того,  
Кто в полусне — бреду  
ползёт к подушке...

\* \* \*

### **В ЛЕТНИЙ ДЕНЬ НА РЕКЕ ИСТРЕ**

Вдруг застынет надолго свет налитой  
и замрёт над водою шелест лесной.

Остановит кукушка мерный расчёт.  
И рыбак одинокий тоже замрёт.

Не взыграет рыбёшка вольным хвостом,  
не захлопает птица шумным крылом.

В разливанном покое катится день  
от жары и людей, в прохладную тень.

Утомлённой душе зачем суета?  
Посидим в тишине... Лепота! Лепота!

\* \* \*

### **НАШ САД**

В королевстве, что под Истрою, — тихо.  
В знойном воздухе, в полуденной дрёме,  
вся зелёная охрана — безлика,  
уподобившись безвольной соломе.

Имитируют поклон помпадуры —  
розы красные — надменно и гордо.  
Не качнут тайком колючим турнюрор  
в поощрение иным козым мордам.



Словно гранды, утонув в балахонах,  
с высоты презрев причуды природы,  
озонируют по-царски пионы.  
Далеки они от гущи народа.

А у этих разноцветье тюрбанов  
затуманилось некстати, поблёлкло —  
от усталости поникли тюльпаны.  
Не тюльпаны, а какая-то свёкла.

Ряд гвардейцев с голубыми глазами;  
на мундирах всё петлички и штрипки.  
О пригрезившейся ветреной даме  
прочитаем мы в их зыбкой улыбке.

Это ирисы — в вихрастой лазури.  
На задворках же спят маргаритки —  
в беззаботной, пролетарской фактуре,  
как оборвыши, в грошик пожитки.

За колодцем, у простого забора,  
распластались на увесистой кочке,  
вдалеке от помпадур и сеньоров,  
пораскинув над травой лепесточки.

Потаённая страна — заповедник.  
Мы на равных с босоногого детства.  
В королевстве я — и гость, и наследник.  
И не надо мне другого наследства.

\* \* \*

## О Б Л А К А

Белые черепашки, белые чебурашки  
по небу ползут.  
Рожицы и мордашки, затейливые кудряшки —  
то там, то тут.



К розовому закату, розовому закату —  
  устремлены.  
Замысловаты, великоваты —  
  на полстраны.  
Пухлою ручкой чудище водяное  
  машет мне.  
Девушка скачет — платьице кружевное —  
  на белом коне.  
Бросились врассыпную резвые многоножки —  
  и тотчас растаяли.  
Меня одного на мокрой дорожке  
  забыли — оставили.

\* \* \*

## ОСЕНЬ

Падаешь, словно  
  лист...  
Спрятавшийся  
  стилист  
счёт обновит  
  кивком.  
Новенький лист —  
  рядком.  
Будто играет  
  в вист.  
Рука у него —  
  длинна.  
Бесстрастна и  
  холодна.  
Работа — на все  
  века.  
Без отдыха, без  
  дурака.  
И грошик тебе  
  цена...

\* \* \*



## **У ЁЛОЧКИ В ЛЕСУ** (зимняя зарисовка)

Как под зимним и морозным солнышком  
Стынут рученьки и пальчики у ёлочки...  
И какою злою мачехой Алёнушка  
Брошена в сугробах за просёлочком?

Плечики придавлены, опущены –  
Не подняться из-под снега колкого.  
Не найти свободы и отдушины,  
Не встряхнуть зелёными иголками.

Но придёт капель весною талою,  
Разгорится чудо-платье малахитами,  
И воспрянет ёлочка усталая  
Девницей-красавицей забытою.

\* \* \*

## **ПЕРЕМЕНЧИВЫЙ АНГЕЛ**

Шёл дождичек: капал, капал —  
ангел на небе плакал.  
Грусть заливал водой —  
чистою, ключевой.

Вспомнил о чём-то хорошем —  
и полегчала ноша.  
Радостно засветился —  
солнечный лучик пробился.

Враз улетели тучи —  
стёрты рукой могучей.  
День колдовской занялся —  
ангел вовсю смеялся.

\* \* \*



# СРЕДИ ЛЮДЕЙ

---

## ХУДОЖНИК

«...Красотою стала чернота»

Шекспир. Сонет 127-й.

На холст наносятся мазки.  
Творит художник.  
Река и небо, васильки —  
фрагмент несложный.

Но развивается сюжет.  
Полна палитра.  
На фоне радуги — рассвет.  
Художник — хитрый.

То тюбик синий он берет,  
то тюбик красный.  
Какой в картине поворот —  
пока неясно.

Он вывел дерево и дом,  
кота на крыше.  
И ночь, со стаей птиц рядком.  
И звёзды — выше.

Художник мучился, страдал.  
Пора забыться.  
Закончив труд, он холст убрал,  
закрыв тряпицей.



Наутро сдёрнул прочь сукно,  
судьбе покорный.  
Глазам предстало полотно...  
Квадратом чёрным.

Невидящим наперекор, —  
как в гуще пира, —  
вдруг зазвучал вселенский хор  
всех красок мира.

\* \* \*

### **КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ**

Кокетка старая, пред зеркалом склонясь,  
не в силах больше скрыть увядшие черты:  
ни жемчуга, ни шёлк, ни кружев вязь  
не возвратят ни блеска глаз, ни красоты.

А рядом дева, томно голубя прижав,  
ласкает грудь крылом как будто напоказ.  
И сердца жар неукротим, и пылкий нрав  
торопит жизнь, предчувствуя экстаз.

Меж ними — длинный ряд развалин и гробниц.  
Они, застыв в молчании, увитые плющом,  
напоминают о величии столиц,  
о королях под горностаевым плащом;

об ожидании любви и светлых днях;  
о череде былых несчастий и невзгод;  
о том, что мир стоит на кознях и костях;  
о том, что всё не вечно, — и пройдёт...

\* \* \*





## ОДИН ДЕНЬ

Чуть первый луч пробился со двора,  
упал на книжку, читанную на ночь,  
узоры поистёртого ковра,  
петунию, заброшенную напрочь,

я ранее будильника вскочил,  
засунул ноги в кожаные тапки,  
а самого себя — в одежду охапки,  
вновь преисполненный надежд и сил.

Положенные утром процедуры;  
поклон, присядка — как бы невзначай,  
взамен полезной физкультуры;  
на завтрак — бутерброд и крепкий чай.

Домашние плетутся под ногами.  
С экрана льются вести чередом.  
Свежо дыхание дня. Бегом, бегом...  
Всё сущее измерено деньгами.

Вот еду на машине за рулём.  
Столица встала. Замерло движенье.  
Вперёд — иль облетать, иль напролом.  
Вся жизнь кипит в столпотворенье.

Полиция настигла удальца  
и к горлу тянет жадные ручищи —  
содрать с него очередные тыщи.  
Увы, не будет этому конца.

Висит портрет знакомый в кабинете,  
бумагами завален старый стол,  
статья про бизнес в утренней газете.  
Прочитана статья — и день пошёл...



Мелькают маски, образы и лица;  
рука в рукопожатьях замерла,  
как в предвкушенье замерла б пчела  
в полете над духмяной медуницей.

Нам видеть эту сцену не впервой.  
Хитры, умны, улыбчивы партнёры,  
стремящиеся враз наперебой  
перевести желанья в договоры.

Стрекочет в суете кордебалет —  
помощники, секретари, охрана.  
Характеры, достойные романа,  
да только для романа время нет.

Опять дела, доклады, документы;  
удушливое расписание встреч;  
визиты предбанкротных конкурентов;  
старания, не стоящие свеч.

Томление вечернего заката.  
За окнами — навязчивый бедлам,  
людской поток в сплетении реклам;  
латиницей истерзаны плакаты —

от чужеродных вывесок рябит....  
Что стало с прежнею страной?  
Как будто заползает паразит  
во всё, тебе привычное, родное.

Сидим-молчим с товарищем вдвоём.  
Обсуждены итоги, справки, планы.  
Уходит в забытие мир чистогана.  
Что деньги? Главное — семья и дом.

Ещё один щелчок на тайных счётах.  
Умчался день во временнОй туман:  
не оценить в минутах и банкнотах —  
не лучше ли писать в тиши роман?



В награду за труды опять родные лица.  
Домашний ужин, книга в полусне —  
за это, право, стоит потрудиться.  
И будет новый день — на счастье мне.

\* \* \*

## ГОРОД

Заманит ликом — красив  
плакат.  
Чарует бабочек блеском —  
сияньем.  
Как лакированный  
агрегат,  
сулящий величие и  
воздаянье.

Облапит тайною  
фонарей,  
предвестием будней  
празднолюбивых,  
отточием улиц, гуашью  
аллей,  
сладкоголосием  
велеречивым.

В грудную клетку  
по-воровски  
вползёт, чтобы вывернуть  
наизнанку.  
Его механические  
мозги  
бесстрастны, подсовывая  
приманку.



Тебя, романтического,  
  он обернёт  
в жирного дядю  
  на «Мерседесе»  
и после в дороге  
  перевернёт  
согласно сценарию  
  в своей пьесе.

Обчистит карманы  
  и всё нутро —  
заглядывая в окна в дождь —  
  непогоду;  
располовинит на рельсах  
  метро.  
Бегом из города —  
  на свободу!

\* \* \*

### КОЕ-ЧТО О ЛЖИ

И по вере, и по безбожью  
Нет вернее, как бить одной ложью.  
Она умница, в деле — гожа,  
И ко всем одинаково вхожа.

Разговор утонченный, мягкий:  
Отдохните, расслабьтесь, прилягте.  
Гипнотически ласковой дрёмой  
Согревает грудная истома.

Только вдруг просыпаюсь с дрожью,  
Весь наполнен не лаской,  
  а смрадом.  
Оказалось, что полон Ложью,  
И не сон это — голая  
  Правда.



Каннибальствует на подмостках,  
Осыпает газетными блёстками.  
Где бы ни был, куда ни придёшь,  
Кто откроет? — Конечно же, Ложь.

Поражает плакатным громом,  
Платит премией, спецпайком,  
Пожирает друзей и знакомых;  
Кого — прямо, кого — тайком.

Бьёт в лицо сторуким собранием,  
Располнев, раздобрев в заседаниях.  
И на каждом шагу мы пасуем,  
Против Правды стыдливо воюем.

Лживой речью, голосованьем,  
Обличением и обещаньем.  
Чуть солги — и ты тоже стечёшь  
В одну общую жирную Ложь.

«Где ж ты видел всё это, чудак?»-  
Скажут мне. Объяснение простое:  
Всё, конечно же, вовсе не так;  
Просто зеркало было кривое.

.....

.....

Но страхнув тошноту наважденья,  
На себя самого став похож,  
Ты увидишь - всмотришь в отраженье, —  
Как с бездонным, господским презреньем  
Смотрит наглая, сытая... Ложь.

\* \* \*



## ИЗ ИСПОВЕДИ СЛУЧАЙНОГО СОБЕСЕДНИКА НА СКАМЕЙКЕ В ГОРОДСКОМ СКВЕРЕ

Разожмёшь ладонь —  
                                ничего.  
Позовёшь кого —  
                                не придёт.  
Оказался мир  
                                баловством.  
Постучался в дверь —  
                                отворот.

Завершился день —  
                                темнота.  
Не кино, не явь —  
                                полусон.  
Промелькнула жизнь —  
                                пустота.  
Вспоминать и то —  
                                не резон.

\* \* \*

## МАСКИ

Контур, овал — как пустая раскраска.  
Видишь глаза, а там — шов прорех.  
Прячется, вместо лица, точно маска,  
рот, искривленный в вишнёвый смех.

Вот, отсмеявшись, как в истинной драме,  
он нарисует себе печаль  
горько изогнутых губ уголками,  
словно искусный, заправский враль.



Тотчас он сменит печаль на презренье.  
Из короля предстаёт шутом.  
Ловко заменит на страх удивленье.  
Гнев и восторг — на пустой фантом.

Стоят ли правды слов вереницы?  
Как убедиться, что ты хорош,  
если не видно, где маски, где лица;  
не разобраться, где правда, где ложь?

\* \* \*

## **О ПЛЕМЕНИ КЛЕРКОВ И ОТВЕТРАБОТНИКОВ** (почти по Маяковскому)

Неистощим,  
                                как круговорот воды;  
кентавром сросшийся  
                                со столом,  
с головою-урной  
                                канцелярской  
                                белиберды;  
засовывает булочки  
                                во рта пролом.

Пятипалой лапкой  
                                шуршит в листках,  
уползая в ворохи  
                                по окорок зада.  
Душит дело  
                                липкая рука  
вездесущего  
                                и многоликого  
                                гада.



С башни прочного  
                                своего положенья  
на пригнувшихся  
                                просителей толпы  
изливает он  
                                помои  
  презренья,  
придавил бы каждого,  
                                если б мог бы.

В примитивности  
                                клоповьей  
  не прост.  
Вверх по свитой  
                                паутине  
  спешит  
поменять большую  
                                должность  
  на пост  
за каких-нибудь  
                                две «никчёмных»  
  души.

За бетонною мощью  
                                сидения —  
  дота,  
от смертных вдали,  
                                расслабившись сидя,  
готов поржать  
                                над  
  сальным анекдотом  
иль критикнуть статейку —  
                                пока шеф  
  не видит.





Закатит томно  
глазёнок пару,  
поскребет украдкой  
кургузое пузо.  
Но не курить  
тебе  
заморские сигары,  
не носить  
начальственных  
картузов.

Товарищ! Избавим строй  
от этой навязчивой  
холеры.  
Движеньё вперёд  
не терпит тленья.  
Обрушим груз  
нашей высшей меры —  
злую кару  
гражданского  
осужденья.

\* \* \*

## СТАРЫЙ ВОРОН

Старый ворон поник. Изломаны крылья...  
Отлетал. И тяжёлый клюв опустив,  
приютился тайком под хлесткой мантилей  
барабнящих струй и жалящих ив.

Безвозвратно ушла хвастливая удаль.  
Навсегда позабыто сытое «карр».  
Острых бусинок-глаз искрящийся уголь  
помутнел от тайных всеведущих чар.



А бывало, геройски, в запале раздрая,  
верховодил в бою за последний ломоть;  
над полями кружил в разбойничьей стае,  
сообща разрывая павшую плоть.

Это он с весёлым азартом пирата  
рушил гнёзда и разорял города;  
обворовывал и пичуг, и собрата.  
Думал: так будет вечно, будет всегда.

\* \* \*

### **В ИНФЕКЦИОННОЙ БОЛЬНИЦЕ**

По камерам тюремным бродят тени;  
в сырых палатах кашляют уныло,  
ругаются, гоняют мух — от лени...  
И время непростительно застыло.

Диетчик материт обеденный овёс;  
по коридору, голову задрав счастливо,  
мышь нервную зажав в зубах за хвост,  
вышагивает чёрный кот неторопливо.

Всё пропитал, как сырость свежие газеты,  
в краю тифозников с желудочным дефектом,  
свербящий дух публичного клозета —  
едва не с кожно-нарывным эффектом.

Лежание без дел с трудом переносимо,  
и просится душа в окно, к листе...,  
но нарушителю больничного режима  
грозит сестра горшком по голове.

Толпа по телефону снеди просит:  
– Да, шоколад и полкило селёдки...  
– Аллё..., чего хочу? Тут что-то носят...,  
ржаного булку, разве, да бутылку водки...



Один, похоже, помер от таблеток,  
другой отправился в психзаведение.  
Так выпьем же, браток, за это... —  
За всем доступное здравоохраненье!

\* \* \*

## ДИАЛОГ

Я смотрю ему в глаза...  
Всплеск протуберанца.  
Приготовилась гюрза.  
Огненные танцы.

Реки желчные текут.  
Наползает морок.  
Безобразничает шут.  
Бьёт убойный молот.

Разъярился океан,  
нет его суровой.  
Сотрясается вулкан...  
Он лишь сдвинул брови...

\* \* \*

## КРУШЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ\*

### I.

Оком незрячим взирает застывший закат,  
душный закат.  
Грифы парят величаво, теряясь в дали,  
прочь от земли.  
У колесницы раскинулся римский легат,  
старый солдат,  
Будто случайно упал в придорожной пыли —  
в ковыли.



## II.

Утром армада затмила собой горизонт,  
выстроив фронт.  
В вязком песке устремились квадриги вперёд —  
на восход.  
Стиснув штандарты, когорты пошли в унисон.  
Слышите звон?  
Марс беспощадный во гневе влечёт и зовёт —  
в круговорот.

## III.

Гул нарастает. Колонны оделись в металл —  
в шаг интервал.  
Росчерк истории слышится в ритме шагов.  
И зове богов.  
Шелест сандалий, тяжесть кольчуг, жестокий оскал...  
Близок финал.  
Пот заискрился на лбу, на прожилках висков.  
Пульс катастроф.

## IV.

Смяты, истерзаны ратники. Замер их крик.  
Встал маховик.  
Амфор осколки, остатки могучих руин.  
И ржавых пружин.  
Время Империи вышло, и весь материк, —  
Время антик —  
Тонет в пучине годин и причин.  
Кончился гимн.

\*написано под впечатлением от  
музыки «Болеро» М. Равеля

\* \* \*



## НА ПОВЫШЕНИЕ ЦЕН

А правительство нас ласково гладит:  
Вот вам, деточки, на квас да на оладьи,  
Веселитесь, отдыхайте, размножайтесь  
И на дядей наверху не обижайтесь.

Ну, а ежели нужда-де заставит  
И за квас, и за оладьи поприбавить,  
Знайте: мы тут ни при чём — не виноваты;  
Это всё — Конгрессы да Сенаты.

Мы планируем миллиардные вложения —  
На просвещение, здравоохраненье,  
На Байкал -, стало быть, Амурскую дорогу.  
Ан колхозы с нас дерут не по богу.

И вагонами воруют миряне;  
Захлебнулась вся Россия в стакане.  
Посвятили жизнь болонкам, канарейкам.  
Спасу нет. А всё — проклятый Рейган\*.

И народное наше достояние  
Растащили по рукам — на поругание.  
Прячут судорожно красные и рублики  
За бюстгальтеры, в корсажи, даже в гульфики.

Вот и дожили до тряпочного голода:  
Туалетная бумага — будто золото.  
Потому как в западных парламентах  
Голосуют за оружие злопамятно.

Нет, в начальниках людишки безголовые.  
И в Госплане все — горшки безбровые.  
И спешат свою работу бутафорскую  
Поменять на синекуры на заморские.



Но настанет время, когда всё, хана, –  
Спросим и с правительства, и с Рейгана.  
А пока, как ни крути усами,  
За всё перед собой виновны сами...

\* президент США в то время

\* \* \*

### **РАЗГОВОР С ДОЛЖНИКОМ ВО ВРЕМЯ МИРОВОГО ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА 2008 ГОДА**

А постой-ка, дружок,  
за тобой — должок.  
Вот тебе допрос,  
ответь на вопрос:  
Каков твой доход?  
Сколько рубчи́ков в год?  
Отдай мне рубль,  
потом сделай дубль.  
Когда будет сполна —  
не должен ни хрена.  
Пойдѐшь домой  
и бог с тобой...

\* \* \*

### **ПРОСТЫЕ НАИВНЫЕ ПОЖЕЛАНИЯ**

Мошна без дна, кошель без дыр.  
И что ни день — как в масле сыр:  
то зван на бал, то зван на пир,

где кружевное существо  
заманит мигом в волшебство —  
прощай былое статус-кво.



И вот красавица-жена, —  
как из какого-то кина, —  
ждёт у окна, скромна, нежна;

и за столом с десяток ртов  
украсят день и верный кров  
многоголосьем в сто ладов.

И пусть летящие года,  
хитросплетений череда  
оставят это навсегда..!

\* \* \*

## ОНО

Безостановочна чуднАя карусель.  
Идёт по подиуму новая модель.  
Как «денди лондонский» обут, одет —  
творенье божие под двадцать лет.  
В атласной майке на бретельках  
до пупка.  
В цветастой юбке до колен —  
чуть коротка.  
Торчат резиночки от жёлтых  
панталон.  
Не то, чтобы «она», но и уже  
не «он»...

Какие-то тесёмочки, примочки, узелки;  
на ножках — тонкие прозрачные чулки.  
Теперь ты только тем и знаменит,  
что вырядился как гермафродит.

\* \* \*

Но, кажется, ничто нас не спасёт  
от наступления всевластных мод.

\* \* \*



## ВПЕРЁД — В НОВЫЙ ГОД!

Подмигнёт тебе серп воронёный,  
вдруг откроется ход потайной:  
из берлоги поднялся Топтыгин  
и зовёт во дворец расписной.

Декорации вспыхнули разом,  
замелькали петроглифы лиц;  
охмуряет напитками леший,  
и к полуночи ты уже — принц.

Канителятся маски и блёстки,  
выставляя себя напоказ;  
холодец и селёдка под шубой  
вокруг ёлки пускаются в пляс.

В этом тереме много загадок.  
Несмотря на путей чехарду,  
мы прорвём темноту лабиринтов,  
мы пройдем его в Новом Году!

\* \* \*





# Р О Д И Н А

---

## **СМОТРИТ НА МЕНЯ МОЙ ДЕД...**

Из-за вечности в сто лет  
смотрит на меня мой дед.  
Я его не видел никогда:  
между нами русская лиха беда.  
То ли расстреляли пред войной,  
то ли пал на ниве фронтовой,  
то ли тихо умер, слаб и сед,  
как не нужный веку старый дед.  
Хочет он меня обнять,  
Силится о многом рассказать.  
Только я не слышу, я — глухой.  
Слеп и нем. Спешу за пустотой.  
Не видать протянутой руки.  
Отгорожен от чужой тоски.  
Не соединится связь времён;  
так и бродим порознь — я и он.

\* \* \*

## **БАБУШКИНЫ ПЕСНИ**

На разохшейся веранде,  
за расшатанным столом  
с самогонкой контрабандной,  
невесть как попавшей в дом,

чинно бабушки расселись,  
да по рюмке пропустив,  
задушевненько распелись,  
как единый коллектив.



То огурчиком закусят,  
то припустят песней в лад,  
словно сами те бабуси  
клином над землей летят.

А внизу цветёт калина,  
полон дум вечерний звон,  
плачет тонкая рябина —  
вторит им аккордеон.

В уголочке за диваном  
чей-то внучек весь горит —  
и захвачен песней пьяной,  
и застенчиво молчит.

\* \* \*

## **ПРЕДЫСТОРИЯ РОССИИ**

(в помощь изучающим историю нашей страны)

Пять тысяч лет тому назад  
в тепле Балкан, горах Карпат  
взрос муравейник до небес,  
откуда муравей полез...  
К морям, полям, лесам — туда,  
где рос горох и корм стадам.  
Их было много, муравьёв.  
Они до северных краёв,  
в Европу, Индию ползли —  
до самых краешков Земли.

Были те пришельцы —  
индоевропейцы.  
Одни из посланцев —  
древние германцы,  
другие земляне —  
балты и славяне.



Общий язык и общие слёзы.  
Слово «собака», слово «берёза»  
с тех времён остались,  
в наследство достались.

Были побиты  
люди неолита.  
В уральских долинах  
столкнулись с угро-финном.  
...Другой муравей,  
только послабей.

Из муравейников в Азии  
тоже повылазили:  
с бескрайних просторов —  
тюрки-монголы;  
с седого Кавказа —  
адыги, абхазы.

Славяне зависли  
в бассейне реки Вислы,  
в Восточной Европе —  
по рекам и топям.  
До Днепра и Волги  
шли славянские толки.

Со всех щелей полезли  
конницей железной  
захватчики — убийцы:  
орды киммерийцев  
несли нам горе;  
скифы — с Чёрного моря;  
с придонских перекатов —  
полчища сарматов.



В людской бульон  
влился Вавилон,  
Египет и Китай  
(порох, шелка и чай),  
Рим непобедимый  
и Древние Афины.  
Ещё государство —  
Боспорское царство.

В греческий крымский порт  
славяне везли на торг,  
пуская в оборот,  
зерно, меха и мёд.

В четвёртом веке  
индо — человеки  
пришли в движенье  
в западном направлении.  
Заполнили пустоты  
германские готы.

Дикой коммуной  
варвары — гунны  
со своим Атиллой  
Запад прихватили,  
чтоб на Дунае жить  
и римлян шевелить.  
Досталось и славянам,  
трезвым и пьяным.

От вечного сна  
Китай спасла Стена.  
И Запад проснулся —  
Атилла захлебнулся:  
держава распалась  
на некую малость.



Славяне — непоседы  
двинулись следом.  
Произошёл прорыв —  
демографический взрыв.  
Всюду вокруг —  
Днестр, Десна, Буг,  
Припять, Дунай —  
вроде славянский край,  
но два союза славян:  
на севере Балкан  
под названьем «склавины»;  
второй — в низинах  
вплоть до Азова,  
на всё готовы,  
«анты» — гроза Византии,  
будущее России...

Вождь племени полян,  
прорвавшись с Балкан,  
попал в Царьград,  
вернулся назад,  
город основал,  
Киевом назвал.

И опять потоком  
орды с Востока:  
авары и хазары —  
на славян базаром.  
Хазары сели на Волге  
каганатом долгим,  
со столицей Итиль,  
у славян на пути.

Дань с полян брали.  
Да и славяне драли  
со всех, кого смогли  
пригнуть до земли.



У них теперь дружины,  
большие общины.  
Жили в селеньях —  
дома из поленьев.  
Десятки городов:  
Суздаль, Ростов...  
Новгород — под варягами.  
Жили с передрягами.

Рыбку ловят,  
огороды содят.  
Сами подерутся,  
меж собой побьются,  
кого-нибудь надерут.  
Пашут, жнут,  
в море ходят,  
ремесло заводят:  
гончары, кузнецы —  
добры молодцы.  
Торговлю ведут,  
соболей везут —  
из варяг в греки,  
с морей в реки.

Богов много:  
верят в Сварога,  
он у них главный,  
помогает исправно;  
за солнцем — к Дажьбогу,  
за ветром — к Стрибогу.  
В воде — русалки,  
объятия жаркие,  
только взглянут —  
в омут затянут.



В лесу леший ждёт,  
в болото уведёт.  
В избе — домовой,  
глядит за тобой.  
Гром — это Перун,  
отнюдь не молчун.

Дай нам победу,  
судьбу нашу ведать,  
дорогу на годы  
русскому народу!

Кто сколь ни славься,  
а Русь началась...

\* \* \*

## **КАРТИНКА ИЗ ЖИЗНИ ДРЕВНЕЙ РУСИ**

X века

Избы из брёвен, терем в резьбе,  
Травы в сенях, горшок на заборе.  
Люд на Руси в трудах и гульбе.  
Князь и дружина в походе-дозоре.

Бабы за прялкой, полк — на конях:  
Против хазар ведут воеводы;  
Щит приторочен, сабля в руках.  
Пахарь за плугом — в любые погоды.

Город стоит на дощатых мостках.  
Мир скоморохов, цветных сарафанов.  
Смерды снуют в домотканых портках;  
Лапти из липы и дыры в карманах.

\* \* \*



**ЭПИГРАФ К ИСТОРИИ ЕВРОПЫ**  
(после прочтения учебников по мировой истории)

Европа варваров  
припала  
к Римской Империи,  
растаскивая тело  
и славу ее,  
расклёвывая глаза,  
питаясь привычно  
кровью,  
с верою или в безверии,  
чтобы именем Рима  
полмира  
растерзать...

**К БОРЬБЕ С ЗАПАДОМ ЗА НОВОЕ  
МИРОУСТРОЙСТВО — БУДЬ ГОТОВ !**

- 1-

У Европы есть «брат» заклятый —  
Соединённые смертью штаты.  
Притяжение Зла — оба «брата»:  
вместе «варят» они захваты;  
в провокациях — бесноваты;  
в преступлениях — виноваты.  
Растрезвонился мир набатами —  
справедливость красна расплатою.

- 2 -

Запад там, где восход на закате,  
где развалины от демократий.  
Не нужны ни права, ни мандаты,  
если всем заправляют магнаты,  
если власть у элит вороватых,  
корпораций и синдикатов,  
развращённых деньжатами,  
защищённых солдатами.





- 3-

Чтобы жить на Земле богато,  
превращай кровь народов во золото:  
грабь ресурсы у азиатов  
и других, равных им, приматов  
под прикрытием верных догматов,  
депутатов и дипломатов,  
по-разбойничьи наглых фрегатов,  
лживой прессы и госаппаратов.

- 4 -

На Россию глядит супостат.  
Видим, Запад, твой вражеский взгляд.  
Да напрасен военный диктат —  
ты подумай, бедняга, стократ.  
Хоть ты вой, хоть садись на шпагат —  
для великой страны маловат.  
Мы рождаемся с автоматами  
и с победами результатами.

\* \* \*

## **РАЗМЫШЛЕНИЯ О РУССКОМ ХАРАКТЕРЕ**

Мы себе на уме; мы свободны, как птицы.  
Не приучены к клетке, слабеем в неволе.  
Сами строим Судьбу по чуть-чуть, по крупице  
и веками не можем найти свою долю.

Умотаем в Сибирь, разбежимся по рекам.  
Разведут нас дороги по личным мытарствам.  
Мы едины тогда, когда внешние скрепы  
защищают народ; когда есть Государство.

Мы не любим правителей, мы — непослушны;  
отвергаем незваных вождей и кумиров,  
а в годину лихую с искрой простодушной  
ждём любого, кто станет отцом-командиром.



Мы пассивны до дури, но всем недовольны —  
и болеем душой за всеобщее дело.  
Не сравнимся ни с кем в щедроте хлебосольной.  
Если бьём иль гуляем, то без предела.

Терпеливы по-рабски — юродского сорта,  
вдруг взрываемся мы, как исчадия ада:  
пусть погибель — и сущее рушится к чёрту.  
Если бунт и насилие, то без пощады.

На работе — раскачка, аврал за авралом:  
монотонность в труде нам сродни наказанью.  
Ты нам дай уникальность, где мы — запевалы,  
чтоб трудиться в охотку, творить по призванью.

Любопытство вело нас к морям-океанам:  
что там кроется в космосе; что — у соседа?  
С православною верой, присущей славянам,  
солидарным в расходах, в ответе и в бедах.

Мы поможем в несчастье и вместе поплачем,  
помолчим в тишине, посидим по-приютски.  
Мы разделим на всех и провал, и удачу,  
потому что мы — русские; так как я — русский.

\* \* \*

## ПЯТАЯ КОЛОННА

Им дороже Америка,  
они бредят Европою:  
«сыр на Западе — истинный сыр».  
Невзирая на метрики,  
рождены русофобами,  
разъедая собой Русский мир.



Они бродят колоннами:  
за мутантами — глупые;  
каждый метит на роль вожака.  
И до крови голодные,  
рады новыми трупами  
путь-дорогу вперед рассекать.

С ястребиною цепкостью  
растащили наветами  
всё, что сызмальства дорого нам.  
Наши вечные ценности  
беззастенчиво преданы  
чужеродным и мерзким божкам.

Расскажите нам сказочки  
от кровавых заказчиков  
про защиту свободы и прав.  
Помахав белой тряпочкой,  
обслужите захватчиков,  
на страну и народ наплевав.

Пусть в сетях демагогии  
предстают демократами,  
мы-то знаем: цена им — пятак.  
В нищете апологии,  
прикрываясь догматами,  
затаился злокозненный враг.

Аплодируют горестям,  
обнимаются с нечистью.  
Сеет беды наёмный картель.  
Без зазрения совести  
зарубежные почести  
конвертирует в толстый кошель.

\* \* \*



## «ЗАМАЗУЧЕННАЯ ВЕТОШЬ»

Только Машка из Рязани  
доросла до взрослой жизни,  
как французик из Бордо,

попривыкший к русской дани,  
погостив на дешевизне,  
укатил её в авто.

Во французской глухомани,  
променяв свою рубашку,  
вместе с бойким шевалье

гадит родине — Рязани.  
И теперь ту нашу Машку  
звать Фернандой Лавалье.

Из заморского далёка  
с прихотливым наслаждением  
льётся желчная труха,

поношения с наскока,  
грязь, помои, поученья:  
наша Родина — плоха.

Пену бранного потока  
и Фернандовы замашки  
отмечаем: шелуха!

Пусть покоится без срока  
полустлевшей промокашкой  
там, где гниль и требуха!

\* \* \*



## К РАЗМЫШЛЕНИЯМ О РОССИИ (НЕ СТРЕЛЯЙ В СВОЕГО)

Перезвоном будишь ты по утрам —  
то ли праздник, то ли буза.  
На твоём лице — всего пополам:  
многолика, как образа.  
В красоте Души — твоё естество.

Ни осколки чудного витража,  
ни базальта грубого мощь,  
ни свеча военного блиндажа,  
ни кровавый — в отсветах — дождь  
не заполнят образа твоего.

Пережили войны и геноцид —  
на распятых сотен голгоф.  
Не дают нам права на мирный быт  
в мире горя и катастроф.  
Как развеять тайное колдовство?

Вдруг воспрянет между нами стена,  
смотрят братья через прицел, —  
на разрыв идут народ и страна.  
И спасибо, сам уцелел.  
Убивать — преступное мотовство...

Провожает сына на службу мать.  
Автомат поставлен на взвод.  
«Не спеши, сынок, ты в своих стрелять:  
мы — единый русский народ,  
и одно у русских на всех родство.

Но когда придёт настоящий враг,  
не щади его, не жалея.  
Защити от врага и дом, и очаг.  
Ты стреляй в НЕГО — и убей!  
Пусть свершится высшее торжество!»



Будем жизнь отстраивать без войны.  
Мы в труде найдём мастерство;  
если труд любить, закрома — полны.  
Мы с детьми впадём в озорство,  
словно каждый день у нас — рождество...

\* \* \*

## ПОСЛЕСЛОВИЕ К РОЖДЕНИЮ НОВОРОССИИ

Защитникам и ополченцам  
Новороссии, русским  
добровольцам — посвящается.

Парень, совсем  
        юнец,  
выскочил за  
        водой...  
Думал успеть,  
        храбрец.  
Миной накрыло  
        шальной.

Снова повсюду  
        враг.  
Снова идёт  
        война.  
Мерный нацистский  
        шаг —  
слышишь, моя  
        страна ?!

Вышел на бой  
        отец.  
Вырыл себе  
        окоп.  
«Чирк» мужика  
        свинец —  
не было б его  
        чтоб...



Реет заморский  
флаг.  
Сеет он всюду  
смерть.  
Миру теперь —  
табак;  
всех — в одну  
круговерть !

Дед ковыляет  
в строй —  
наискось  
автомат.  
Утром ещё был  
живой.  
Ночью попал под  
«Град».

Грубо накрытый  
стол.  
Плачем, как на  
духу.  
Рюмочек  
частокол —  
с корочкой  
наверху.

\* \* \*

### **НА ВОСТОК !**

Не велик нам отмерен срок —  
развернуть страну на Восток.  
Слышишь надрывный гудок?  
Это зовёт Восток.  
Какой бы ты ни был ходок —  
иди на Восток, на Восток.  
Давно за тобою должок:



застрял по пути на Восток.  
Возьми же волшебный клубок —  
пусть он приведет на Восток.  
Не в миг — за шажком шажок.  
Туда, где алеет Восток.  
Не враз — за рывком рывок.  
В завтрашний день — на Восток...

\* \* \*

## **БАЛЛАДА О НОВОМУЧЕНИКЕ РУССКОМ**

Памяти 19-летнего русского солдата Евгения  
Родионова и его духовного подвига (май 1996 г.)  
ПОСВЯЩАЕТСЯ.

Не задался поход изначала.  
Поговаривали, что измена.  
Пали ротой за перевалом.  
Только Женька отделался пленом.

На коленях, истерзанный, босый,  
гимнастёрка изодрана в клочья, —  
ну мальчишка беловолосый! —  
на душманов взирает молча.

На груди бьётся крестик медный.  
Руки скручены за спиною.  
Главный тычет перстом победным:  
«Снимешь крест — ходи с головою.

Откажись от родительской веры».  
Но палач поражен ответом  
и уверенностью без меры:  
«Никогда я не сделаю это».





«Сам ты выбрал судьбу свою, русский.  
Будешь мертвый — не будешь гордым», —  
наторевший в смертоискусстве  
перерезал мальчишке горло.

\* \* \*

## **ЗЕМЛЯ, ГДЕ ЖИВУТ ИВАН ДА МАРЬЯ**

Взращена в необъятном царстве,  
в сердце радужной ойкумены,  
после тысячи лет в мытарстве,  
попривыкшая к переменам,

иссеченная не однажды,  
неумело скрывая раны,  
преисполнена вечной жажды  
справедливости возжеланной.

Были скатерти-самобранки,  
было время, где брат на брата.  
А приди война-лихоманка —  
превращался юнец в солдата.

Змей Горыныч давно в землеце,  
да остался Кашей бессменный;  
из-за моря бедой грозитя,  
полагая, что он бессмертный,

насылает своё тиранство.  
Плохиши проявляют рвенье:  
тянут в чёрное окаянство,  
отрабатывая варенье.

Загудят вперебой заводы,  
снова заколосится поле.  
Отведём от страны невзгоды,  
не дадимся мы горькой доле!



Пусть во веки веков надёжно,  
в мирной благодати самоварей,  
проходя через невозможное,  
процветают Иван да Марья!

\* \* \*

## О Ж И Д А Н И Е

Жене моей — с благодарностью за всё.

Я ждать и сто, и двести лет могу,  
Как ждут погоды на ревущем берегу,  
Как ждёт юнец упавшую звезду,  
Как матери ждут сыновей в надежде.

Мне в ожиданьи бог послал в удел  
Скорбеть о том, что некогда имел,  
Но, потеряв, — пусть ненадолго — смел  
Я вновь и вновь искать её, как прежде...

О, ждать — это труд, тоска и боль;  
И лишь характер в сотню воль,  
Презрев предписанную наверху юдоль,  
Не ограничится пассивностью настолько,

Чтоб самому сидеть и не искать,  
Не ожидать без действий, не страдать,  
Чтобы не драться и в ответ не получать —  
В похмелье горьком,  
как больничная настойка.

Нет, я искал её и в законной тьме,  
И в образах, что на чахоточной стене  
Воображение чертит — будто бы во сне;  
И в тех, кто наяву проходит мимо...



Я сил в надежде находил сполна,  
Поскольку знал, что ждёт она,  
И всё, что суждено, до дна  
Испить готова непоколебимо.

Ведь ждать без веры — это ад, не рай.  
И есть она — судьбу благославляя  
За счастье трудное, что через край  
Тебе, испытывая, льют и льют.

Моя хорошая, я у тебя в долгу.  
Одно скажу тебе и не солгу:  
Я ждать и сто, и двести лет могу,  
Когда уверен: меня тоже ждут...

\* \* \*

## П О С Л А Н И Е

Моей жене Лене — в Швейцарию

День позади, и снова — тишина:  
Я здесь — один, ты там, вдали, — одна.  
И всё, чем полон был ещё вчера с лихвой,  
Вдруг опадает мёртвою листвою;  
Бледнеют замыслы, тускнеют устремленья,  
И жизнь — не жизнь, а просто наважденье.  
Как бег за тенью, рой больших ошибок,  
Продуманность рукопожатий и улыбок,  
Удачи мелкие, честолюбивых планов строй —  
Всё призрачно, всё — побоку, долой.  
Всё исчезает в прахе суеты.  
Всё исчезает — остаёшься только ты  
И мысль, которая к тебе летит,  
И сын, который рядом спит.  
Он счастливо, по-доброму, во сне  
Нам улыбается — тебе и мне.

\* \* \*



## САГА О ДВОИХ

Моей жене Лене — тридцать лет спустя...

Мы пришли в этот мир ненадолго.  
Ни сокровищ, ни власти не надо.  
Я прошу у Всевышнего только,  
Чтобы ты навсегда была рядом.

За чертой темноты первозданной —  
Там, где плещут любви океаны, —  
Затеряемся в травах дурманных,  
Воспылаем огнём несказанным.

Мы пройдем с тобой путь до предела  
По Земле — от рассвета к закату,  
На краю осознав ошалело,  
Что отмерено нам маловато.

Суждено ль заблудиться в просторах,  
Поскитаться меж белым и чёрным,  
Мы останемся в ломких узорах  
Умножением чудотворным.

\* \* \*



# ДЕТСКИЕ СТИШКИ

---

## ВЕСЕЛИЛКИ

Диме и Паше

Что ни день – скакалка,  
зарядка – закалка,  
мочалка – умывалка,  
трещалка, пищалка;  
немножко – самохвалка,  
немножко – перепалка;  
в саду – землечерпалка,  
после сна – читалка,  
считалка, качалка,  
игрушку отымалка,  
маму ожидалка,  
на кровати свалка,  
до утра лежалка.

\* \* \*

## ПО ЛЕСЕНКЕ

По лесенке, по лесенке –  
шажок, ещё один.  
Идём наверх мы с песенкой,  
идём наверх мы с песенкой, –  
пингвин и с ним – дельфин.

Пингвин посмотрит мультики,  
дельфин гоняет мяч.  
Потом мы сложим кубики,  
потом мы сложим кубики  
и испечём калач.

\* \* \*



## ПОТРУДИСЬ — ПОВЕСЕЛИСЬ

На поле, как котята, прижались арбузята.  
В трудах они растят свои бока неспелые.  
А рядом, где пшеница, резвятся тракторята  
и собирают вместе для хлеба зёрна зрелые.

Топорята — маленькие; будут — топоры.  
Бодры и веселы. До поздней поры  
бегают в лесу, учатся рубить,  
деревья валить, хозяину служить.

На поляне вечером собрались ребята:  
внучата, арбузята, котята, тракторята;  
из лесу прибежали ежата и лисята,  
а следом прискакали лихие топорята.

Окончилась работа, теперь одна забота:  
прыгать и скакать до седьмого пота.  
Вот уже и темнота, на лице — дремота.  
Спать пора, друзья, завтра ждёт работа.

\* \* \*

## ПРО ДЕНЬГИ

Деньги, денежки, деньжищи!  
Утром — ноль, а завтра — тыщи.  
Смотришь — вроде бы бумажка,  
Кушать нечего, бедняжка,  
Но лишь деньги протяни,  
Продавцу слегка мигни —  
И достанет он тебе  
Блинчик на сковороде,  
И пельмени, и компот.



Только жуй, старайся, рот!  
Где же взять их, деньги эти?  
Потрудиться надо, дети!

\* \* \*

### **ПРО МЕДВЕЖОНКА**

По листве лежалой,  
пахнувшей грибами,  
медвежонок малый  
мчится ближе к маме.

Он ещё неловкий,  
он не знает леса.  
Вот тебе морковь,  
спрячься под навесом.

И скажи спасибо:  
нет без мамы хода.  
Днём половим рыбу,  
наедемся мёда.

Мягкий мох под боком —  
Вот твоя кровать.  
Отдохни немного,  
спи, сыночек, сладко.

\* \* \*

### **КТО ТЫ ?**

Ты — ворчун или молчун?  
Ты — хвастун или драчун?  
Может быть, ты — врун, шалун?  
Не крикун? Не царпун?



А кто нынче был плакун?  
Кто скакал, как мяч-прыгун?  
Кто упал — и стал ревун?  
Был ревун — стал хохотун.

\* \* \*

### РАЗГОВОР

- На диван забраться можно?
- Можно, только осторожно.
- А на стол забраться можно?
- Что-то мне слегка тревожно...
- А на крыше бегать можно?
- Бегать там довольно сложно.
- А на облаке плыть можно?
- Нет, такое — невозможно.
- Говорить неправду можно?
- Врать — бессовестно, безбожно.
- Снова маленьким стать можно?
- Это дело — безнадёжно.

\* \* \*

### ЗВУКИ ЖИЗНИ

Маленький мальчик топ-топ по дорожке —  
С папой гуляет. Топают ножки.  
Если послушать и — тсс! — помолчать,  
Звуки лесные начнёшь различать:  
Рядом в траве «ква — ква» раздаётся.  
Это лягушка довольно смеётся.  
Где-то вдали не смолкает: «Ку — ку».  
Много годочков на нашем веку!  
«Жжж-у», — зажужжала лесная пчела,  
Села на шею, в рукав заползла.  
Кто-то запел: «Чик — чирик», — на берёзке.





Это воробышек — бойкий и хлёсткий.  
«Бульк!» — сказал камушек, в воду нырнув.  
«Буль», — он добавил, совсем утонув.  
«Чирк», — папа спичкой скользнул по коробке;  
Спичечка — пых, и пламенем робким  
Ветки сухие схватило в костре.  
«Юрк», — промелькнула змея по земле.  
Звонко за лесом гудит: «Ту — ту — ту» —  
Узнать электричку могу за версту.  
Мчится по рельсам тяжёлый состав.  
А из деревни несётся: «Гав- гав»  
На чьём-то весёлом дворе по соседству.  
Звуки смешались родом из детства.  
Слышим, гуляя по нашей Отчизне,  
как звуки слагаются в музыку жизни.

\* \* \*

### **РАКЕТА ИЗ «ЛЕГО»**

Паша с Димой после бега  
сели за конструктор «Лего».  
Здесь пластинки с пупырьками  
исчезают под руками,  
превращаясь в самолёты,  
драндулеты, бомбомёты.  
В чудищах глазищи-стёкла;  
шланги, трубки, штанги, сопла  
слиты в горы тарантасов  
на колёсах, прибабасах.  
Улетает с космодрома  
в рокоте взрывного грома  
на соседнюю планету  
быстролётная ракета,  
а в ракете —  
наши дети.

\* \* \*



## В СКАЗОЧНОЙ СТРАНЕ (для взрослых детей)

Моему внуку Паше,  
с рукой в гипсе, в больницу

Иду-бреду по белу свету —  
чего не видел только я;  
чего не видел, того нету,  
но сколько ж чудного, друзья!

То в чаще загорится око,  
то кто-то юркнет диким скоком —  
неведомые существа,  
о них молчит сама молва.

В лесах проказничает леший —  
уж так потешит, так потешит:  
всё хочет сбить тебя с пути,  
назад дороги не найти.

Сам синий, в шкуре, и без уха,  
погладит слева по плечу,  
отвесит справа оплеуху;  
что будет дальше — я молчу.

И тут же соловей-разбойник,  
запятавшийся в тёмный хвойник,  
смертельным посвистом свистит, —  
и рвёт из рук и меч, и щит.

Однажды в тридевятом царстве  
Кашея видел. Злой колдун,  
он приворотное лекарство  
варил в течение трёх лун,



мечтая обернуться принцем,  
менять и стать свою, и лица —  
прекрасную украсть Елену  
задумал повелитель тлена.

Но, слава богу, исстари  
есть на Руси богатыри:  
они в дозоре вдоль границы —  
готовы за Елену биться,

Кашея гнать долой, взашей,  
а с ним и прочих упырей.  
Как гнали всем народом Лихо,  
чтоб жить спокойно, мирно, тихо.

С морским царём вести беседы,  
с хозяйкой медных гор дружить  
и неминуемые беды  
искусно напрочь отводить.

Была такая свистопляска:  
усевшись на сухом столбе  
мурлычет Кот-Баюн себе  
хмельные песенки и сказки.

Услышишь их — и вмиг дремота  
под сонный сказ сомкнёт глаза;  
уснёшь надолго, будто кто-то  
тайком сумел тебя связать.

Вокруг — тьма спящего народа:  
сидят во сне и год за годом,  
всё слушают вдали от смут  
слова, какие в уши льют.



Пришлось богатырям размяться,  
работа тут нашлась ноге:  
Кота отправили общаться  
в избушку к бабушке Яге.

Вот Сивка-Бурка подо мной  
скорок несёт меня домой.  
Под облаками, над лесами,  
из носа дым, копыта — пламя.

Мелькнула рыба-кит на море  
и Чудо-Юдо на просторе,  
и Мальчик-с-пальчик на цветке,  
и невидаль на волоске.

Жар-птицы, сидя на поляне,  
поют и сыплют жемчуга;  
русалки, спрятавшись в тумане,  
скрывают подступ к берегам.

Когда ж вернёшься ты домой —  
к родным и близким, ко всем нашим, —  
хранитель дома, Домовой,  
обнимет и накормит кашей.

\* \* \*

## ИГРА В СЛОВА

«Играем в слова, — сказал Дима. —  
Любые правила — допустимы:  
главное — так изменить слово,  
чтобы оно оказалось новым,  
непонятным, но в чём-то знакомым, —  
и нужно всего-то его отгадать,  
иначе победы в игре не видать».



Первым ввёл слово Паша.  
Слово было странным: «Тюкаша»  
Все примолкли, а Катя-копуша  
догадалась сразу: «Катюша», —  
и прожужжала «Катюшей» все уши.  
Олег произнёс слово «маныша».  
Что за «маныша»? Никогда не слышал.

«Намыша, мынаша, шамына?»  
Ну, конечно: «машина»!».   
Я победил. Моё слово — «кукваша».  
Отгадывать — очередь ваша;  
не слово — а какая-то каша.  
Никому ответ не подскажу;  
так в секрете его и держу.

Вместо «ресницы», была «серница»;  
за «куравицей» всплыла «рукавица»;  
кто-то решил напугать: «Девмедь».  
Ясно же, что это просто — «медведь».  
Не угадал, так не надо реветь.  
«Цинпесса на рогошине» —  
«принцесса на горошине».

Снова я даю слово. «Тибонки».  
Начались настоящие гонки.  
Удача улыбнулась Иринке:  
«Так это же мои «ботинки»!  
С пряжками посрединке».  
В конце было слово «пустени» —  
все угадали: «ступени».

Домой убегаем прыжками в сажени,  
только тибонки стучат по пустеням.

\* \* \*



## ПРО АНТАРКТИДУ

Антарктида — это да!  
Тут нет воды, здесь тонны льда.  
Туда приплыл российский флот;  
Тяжелым был морской поход.  
Открыл он новый материк —  
Не очень мал, и не велик.  
Сюда киты спеша плывут.  
Пингвины мирно тут живут.  
На русской станции «Восток»  
Подняли флаги на флагшток.  
Погода — ниже десяти,  
В буране шагу не пройти.  
Медведи в тундре молча ждут,  
Кого бы съесть за пять минут.  
Но существует Договор:  
Нет места тут для всяких ссор.

\* \* \*



# АЛЛЕГОРИЧЕСКАЯ ПОЭМА

---

## СТРАНСТВИЯ ВАНЕЧКИ ИВАНОВА

(стихотворное полусказочное/  
аллегорическое повествование  
с политико-философским контекстом)

### Содержание

1. Предисловие-присказка: Дорога
2. Начало
3. Добрянка и дед-вещун
4. Болванский Нос, Дивногорск и окрестности
5. Волшебный шлем с проводками
6. По городам и весям
7. Арестань и остров Буян
8. Мудленд и окрестности
9. Лебедянь
10. Послесловие-присказка: Земля,  
где живут Иван да Марья.

\* \* \*

### 1. ПРЕДИСЛОВИЕ-ПРИСКАЗКА: ДОРОГА

Бежит себе дорога — не угнаться:  
то вьётся завитками-языками,  
то тянется низами да верхами, —  
протоптаным, истерзанным эрзацем;

ухоженною гаревой дорожкой;  
прилизанной правительственной трассой;  
тропиночкой ночной, укрытой ваксой,  
увешенной берёзовой серёжкой.



Бежит, презрев полуденное солнце,  
морозное дыхание и заносы,  
обрывы, камнепады и торосы.  
Как нить, спадающая с веретёнца,  
  
подаренного хитроумной феей.  
Найдёшь ли ты судьбу или исчезнешь  
в далёкой стороне, пустынный дервиш?  
И пропадёшь никчёмным дуралеем?

## 2. НАЧАЛО

В вагоне стыло зимнею порою.  
Прижавшись в тамбуре щекою  
к стеклу, измазанному гарью,  
где весь букварный

подъездный сленг, знакомый поневоле  
от всякой моли, нам глаголит,  
куда направиться, — взирает,  
с мечтой о чае,

парнишка русский, мОлодец плечистый,  
осанистый и сноровистый.  
Не знают ближние, соседи,  
куда он едет.

К тому ж ни ближних, ни соседей нету.  
Похоже, что по белу свету  
давно мотается. И беды —  
помяты кеды,

потёртый тощий рюкзачок свисает,  
и лихо вздёрнута косая,  
как нахлобучена охапкой,  
седая шапка, —





свидетельствуют о себе примерно.  
В кармане пусто соразмерно.  
Мелькают за окном просторы  
и семафоры...

Иван родился летом в Лебедяни.  
Что было в возрасте том раннем —  
годами рановато бряцать, —  
годков семнадцать

тому назад, имеет представление,  
как о застывшем безвременье.  
По слухам, был пожар: руины  
на именины

достались Ване — без отца и мамы.  
Такая вот случилась драма.  
Спасли еще сестру и брата...  
По интернатам,

кого — куда, их разметали годы.  
Была порода — и нет породы.  
Чужие люди, чьи-то семьи —  
всё мелкотемье.

### 3. ДОБРЯНКА И ДЕД-ВЕЩУН

Очнулся ум в младенчестве босом  
в Добрянке. Дом бревенчатый, крыльцо,  
по огороду куры бродят сонно,  
цыплята глупо носятся гуськом,  
ведро в колодце брякает кольцом.  
Живали, так сказать, слегка стеснённо.



Старушка вместо матери была —  
Ариной звали; одиноко ей  
на старости пришлось тужить без мужа.  
Ванюшку пацаном подобрала.  
Читала сказки. Не было добрей.  
Боялся только, что больна, не сдюжит.

В науках школьных преуспел вполне.  
По вечерам на станции тайком  
картошкой приторговывал варёной,  
чтобы копейки принести казне  
домашней: всё, что мог своим трудом...  
Гордился личным вкладом, просветлённый.

Ванюшка, сделай; Ванечка, приди,  
поправь и помоги — со всех сторон.  
Умён, и нарасхват, и расторопен.  
Учись-ка знай; и вечно впереди:  
и «пять», и «молодец», и «чемпион».  
И в доме всё путём — ну, прям, феномен.

Да не судьба. Старушка умерла.  
Из-под надзора тотчас драпанул,  
не утирая слёз, — уже учёный.  
И вновь дорога дальше повела,  
Иван её намеренно согнул,  
умом прозревший, сердцем закаленный.

На самом деле вовсе не пропал,  
а странствовать пустился по стране  
и безбилетником узнал Россию.  
Челночничал с вокзала на вокзал,  
то прятался, то примыкал к шпане,  
и родину увидел как стихию.



И реки широки, леса — темны;  
за цепью гор — долины и поля,  
равнины и холмы, и всюду — люди...  
Как в мощном вихре, переплетены  
их судьбы, жизни и сама земля.  
Работают..., а думают о чуде.

Тоска томила: где же Лебедянь?  
И как её найти, в каком краю?  
Был в Кашине, Коврове, в Гусь-Хрустальном.  
Был в Истре и Ельце. И где та грань,  
пройдя которую, ты — не в бою,  
а в мире справедливом, идеальном?

Ванюшу встретил в Троицке дедок,  
сказал: «Тебя, сынок, ждет чудо, да! —  
И жжет глазами, передав поверье. —  
Тебе минул шестнадцатый годок,  
а через год твой возраст навсегда  
застрянет на семнадцати, поверь мне.

А как, — продолжил, — сыщешь Лебедянь, —  
тебя там ждут, — так юность потечёт,  
как прежде. Многотрудный путь, далёкий:  
душе и телу — нахлебаться всклянь;  
верстам и километрам минет счёт,  
пока увидишь край тот синеокий».

И дал Ванюшке жостовский поднос  
да яблоко к нему — такое б съесть! —  
антоновское: «Так оно и будет  
показывать на каждый твой распрос,  
и где те спать, и где пока осесть,  
и далее идти тебя принудит...



В той Лебедяни счастлив весь народ:  
там солнце греет в солнечные дни,  
зимою много снега и веселья;  
на утро приготовлен бутерброд,  
живут добротнo, будто все — сродни,  
никто не унывает от безделья.

Там каждый — самый; сам себе творец;  
там выбирают умного во власть;  
златые горы там, и небо — сине;  
и каждый заработал на дворец,  
и не толкнёт того, кому упасть.  
Эх-ты, сынок, вот там и есть Россия!»

Проговорив, исчез дедок-вещун,  
а яблочко толкает под откос, —  
с горы, навстречу людям на дороге.  
Иван плутает, как медведь-шатун,  
и вскоре принесли в Болванский нос  
затёртые Иванушкины ноги.

#### 4. БОЛВАНСКИЙ НОС, ДИВНОГОРСК И ОКРЕСТНОСТИ

Прижился в городе. Облуплены дома.  
Болванский Нос стоит во всём наперекос.  
Кривые улочки, навалено дерьма...  
Архитектуру заменила кутерьма.  
Тут он и рос...

Народ — невзрачный, неказистый; оглуплён,  
завистлив, пыжиться горазд и вороват,  
как чуть задержится хоть с чем-нибудь вагон,  
наутро — пуст; фабричный двор — опустошён;  
всё — нарасхват.



Да это что, втихую растащили мост,  
приноровили по хозяйству по частям.  
Теперь за речку объезжают по сту вёрст,  
иначе нет дороги на родной погост,  
весь путь — из ям.

А вот в соседней Воровайке управдом,  
все двери с петель, крышу с дома распродал,  
жильцы не могут жилконторовский ярём  
поизвести ни по суду, ни так — силком.  
Дом — как вокзал.

Каким-то образом застрявши у чужих,  
Ванюшка проучился год, а может, два,  
не забывая на день сгинувших родных,  
и Лебедянь вдали, и вещих слов благих.  
Да что слова!

Тайком посматривал на жостовский поднос,  
глядел на яблоко — недвижимо лежит.  
Когда, когда? Уж позади зима, мороз,  
и просьбы тайные из юношеских грёз.  
И тут — кульбит!

Ожило яблоко, прибилось к стороне,  
в которой Дивногорск. И близок, и далёк  
он наравне болваноносовской квашне.  
Каких чудес и волшебства там только нет!  
Каждое — впрок.

Серебряные купола рождают свет;  
хрустальным башенкам и звёздам нет числа;  
и храмов разноцветье — как один букет  
в заре и отсветах взлетающих ракет.  
Колокола..!



Иван глядел на дивный град во все глаза.  
Машины в воздухе парят, как по земле.  
Нужна гроза — тотчас запустится гроза.  
Что может интеллект — всего не рассказать;  
лишь обомлеть.

Поездил Ваня в подработке там и сям:  
грузил до одури в Чугуеве кирпич,  
в Пупках мёл улицы, расклейщиком реклам  
на Кушке был; бродил по ягодным местам —  
сам стал как «бич»!

Однажды дело в Дураково занесло;  
послушал на собраньи речь министра школ:  
«Зачем учить? — он говорил. — Знать — тяжело;  
мы учим деток потреблять, а знания — зло».  
Так и смолол!

Толкало яблочко вперёд, быстрее вперёд —  
опять и снова в Дивногорск. Иван решил  
переезжать... А тут забрали на завод.  
Учиться в вузе начал — книгам стал черёд.  
Только и сил...

## 5. ВОЛШЕБНЫЙ ШЛЕМ С ПРОВОДКАМИ

Завод — секретный; в нём — отдел;  
учёных лучших пригласили,  
мозгами чтоб подшевелили,  
и чтобы выправить пробел.  
Задача — связь найти в природе  
нейронов, тонких струн людских  
с полями космоса, в каких  
хранится в неизвестном коде



и вся история Земли,  
и веки каждого народа,  
и душ бессмертных хороводы,  
и мысли всякой земной тли.

Коль скоро обнаружат связь,  
возможно нашими умами  
контакты завязать с мирами —  
хоть всю Вселенную излазь.  
Ванюшка бегал на подхвате,  
толковый малый под рукой  
вдруг стал фигурой ключевой  
в изобретённом агрегате.  
Садись в кресло, глух и нем,  
наденут на голову «дуру» —  
всю в проводках аппаратуру, —  
могущественный чудо-шлем.

Плетутся звуков кружева,  
а ты приёмником работай,  
соединяя ноту с нотой,  
в картины, образы, слова,  
отцеживая микроволны,  
которые идут вразлад,  
но создают видеоряд  
и кадр фактический и полный.  
Так воплощаются мечты:  
в машине времени летает  
твой мозг, а тело пребывает  
в тиши, без всякой суеты.

Плывут по Ладоге челны,  
удары вёслами по глади  
реки ильменистой — и пряди  
за бортом плещущей волны.



А то по волоку с надрывом  
дружина русичей везёт  
свои ладьи до ближних вод,  
до неглубокого пролива,  
спускаясь в «греки из варяг»  
среди городов и шумных торжищ,  
лесов бескрайних, чёрных огнищ.  
Сказания из древних саг...

Картины льются чередой,  
фиксирует аппаратура  
то красоту родной природы,  
то как солдат идет на бой.  
Перемежаются виденья:  
иль правда, или чей-то сказ —  
вот всадник скачет в поздний час,  
куда подскажет провиденье;  
вот горлица оборотясь  
девицей красною предстала;  
вот меч добротного закала  
вдруг достаёт из ножен князь,

как воин, непоколебим:  
сразиться с змеем трёхголовым  
и даже смерть принять готов он.  
Иван внимательно за ним  
следит через свои приборы...  
И так прошёл примерно год,  
в который затяжной поход  
устроил доблестный Суворов.  
Бил шведов, строил Петербург,  
с народом гнал Наполеона  
и, как заправский демиург,  
сажал наследников на троны;





освоил Север и Сибирь;  
Кавказ; и все пути речные;  
всю необъятную Россию  
изведал вглубь, изъездил вширь.  
Не удавалось обнаружить  
среди космических полей  
каких-нибудь благих вестей  
о тех, кто очень-очень нужен:  
о брате — где он? И какой?  
Не ищет ли давно Ивана,  
родню из Ивановых клана?  
И как живёт? И что с сестрой?

И тут задёргался экран,  
на мониторе аппарата  
увидел собственного брата:  
«Пред Вами Иванов Степан;  
родился часом в Лебедяни;  
воспитывался в детдомах;  
в предпринимательских кругах  
известный бизнес-горожанин;  
владеет в Мудленде землёй,  
и банком, скважиной, отелем,  
мостом, и нефтяным картелем...».  
Помехи, кадры вперебой...

Потом мелькнул другой сюжет:  
на фотографии потёртой,  
на пирсе брошенного порта,  
отец стоит, а рядом — дед.  
И, будто, дед живёт в Листвянке.  
Потом он схвачен, обвинён,  
расстрелян как двойной шпион,  
отведав жизни каторжанской.



Когда напали на страну,  
семью с детьми угнали немцы;  
прошли и голод, и Освенцим;  
там все и сгинули в войну.

Остался лишь один отец,  
еще мальчишкой; остальные —  
мужчины рода, молодые, —  
познав и порох, и свинец,  
кто был убит, кто стал героем.  
Отец уехал в Лебедянь  
и без родителей, без нянь  
и вырос, и богат семьёю.  
Но где был дом — труба стоит.  
И новый Иванов, в скитаньях,  
с надеждами и ожиданьем,  
бездомный путь тот повторит.

А на подносе, сделав круг,  
застыло яблоко на блюде,  
в той стороне, где Ваня — будет...  
Закончилась пора разлук.

## 6. ПО ГОРОДАМ И ВЕСЯМ

Электрички, электрички...  
Путевая обезличка.  
Топот, гомон — там и сям:  
по нужде и по друзьям  
то страна снялась в дорогу,  
то ли к черту, то ли к богу,  
то ль на север, то ль на юг.  
Сердца нервный перестук.  
Прижимая все карманы,  
в счёт слагая чемоданы,



потирая тыл и лоб,  
перебежками, взахлёб,  
исчезаем по вагонам —  
красным, голубым, зелёным...  
Ваня в тамбуре стоит,  
в тёмное окно глядит...

Километров будет тыщи,  
как по свету Ваня рыщет:  
хоть зимой, да налегке;  
пусто — в лёгком рюкзачке.  
Здесь его мы и застали  
в самом что ни есть начале.  
В Мудленд яблоко ведёт,  
где как-будто брат живёт.  
Сквозь размеренную бытность  
широта и колоритность,  
хлебосольность русских душ  
веет, словно божий куш.  
Тем и живы, тем и сыты,  
чувством локтя даровиты —  
в одиночку не умрёшь,  
у своих не пропадёшь.

Где накормят, обогреют,  
развлекут в мирских затеях;  
где на время приютят  
и советом наградят.  
Про себя всю жизнь расскажут  
и тебя сказать обяжут.  
Где поплачут, попоют,  
всю округу созовут.  
Или в тихом разговоре,  
сострадательные к горю,  
шепчут над твоим плечом:  
«Ничего, переживём».



И везде — в трудах, в печали, —  
невзирая на детали,  
мы по-своему полны  
чувством собственной страны.

Города гудят станками,  
реки водные — судами,  
сёла пашут, сеют, жнут;  
в небе лайнеры ревут.  
Ваня всё на ус мотает,  
корни русские вбирает —  
понемногу, по чуть-чуть,  
но в итоге — не прогнуть.  
И в несчастьях, и в невзгодах,  
стал защитником народа  
личным вкладом, кулаком  
и примером, и добром.  
Дал отпор ночным бандитам,  
вдруг проснувшись знаменитым;  
и последних сто рублей  
на охрану журавлей

перечислил без сомнений;  
на разборке двух селений  
примирил ребят крутых  
и джигитов молодых,  
вразумлял и верховодил;  
помогал на огороде  
старым, если нет родни;  
спас мальчика из полыньи.  
По дорогам то и дело  
путешествовал он смело  
через горы, через лес —  
много видел расчудес.  
Как-то рыбку золотую  
без труда, совсем вручную,



в Волге вечером поймал,  
«Вот-те на!», - в сердцах сказал.

Как ведётся по сказаньям,  
рыбка — это к пожеланьям.  
Просит, значит, отпустить,  
обещает подсобить —  
выполнить любую волю.  
В ощущеньи нужной роли  
Ваня вспоминает Крым:  
«Вороти его своим».  
Рыбка плавником взмахнула.  
«Так и быть...» — Ему кивнула  
и ушла на дно в купель.  
Не прошло и трёх недель —  
Крым соединен с Россией,  
с Родиной, могучей, сильной.  
Пышен красками салют.  
Ваня тоже тут как тут.

В граде Китеже на страже, —  
видел, — в строгом камуфляже,  
рать военная стоит —  
мир ракетами хранит.  
Там же местная наука  
создала такую «штуку»:  
тронешь пальцем рычажок —  
от врага один песок.  
Да врагов-то слишком много —  
и в дому, и у порога.  
Шлют несчастья и беду,  
тёмных вихрей череду  
злые, подлые шайтаны  
силою своей поганой.  
Заправляет тьмой Кашей,  
засылает плохишей,



чтобы воздух наш травили,  
изнутри нас развалили,  
а вдобавок вдоль границ  
понарыл пороховниц.  
Фитилём кричит-грозится,  
ничего он не боится,  
потому как смерть его  
прям в игольное ушко  
спрятана и не достанут  
ту иглу из-под охраны.  
А игла-то та в яйце,  
а яйцо — в литом ларце.  
Где ларец — никто не знает,  
каждый сам себе гадает.  
На Урале, в зоне «Эм»,  
выбившись из сил совсем,

наш Иван попал на базу,  
где в конце концов, не сразу,  
всем неверящим назло  
отыскался НЛО.  
И вступив в контакт с пришельцем,  
главным по Земле сидельцем,  
по планетам полетал,  
между делом поспрошал:  
где же, дескать, смерть Кашея;  
где ларец, в каких помпеях?  
Тотчас же вселенский Разум,  
не моргнув раскосым глазом,  
молвит: «Друг ты мой Земной,  
тот ларец — под пеленой  
из зелененьких бумажек,  
через них вершится кража.

Вы их долларом зовёте;  
за бумажки отдаёте  
вашу собственность, труды.



Это — сочные плоды,  
и подручные Кашея  
их едят, от них жиреют.  
Толстый слой цветных бумаг  
погружает мозг во мрак;  
вы ларца не разглядите,  
хоть ищите, не ищите;  
надо сбросить пелену,  
у нее вы все в плену.  
Только тот дурман рассеяв,  
вы найдете смерть Кашея».  
Ваня за итоги рад,  
написал наверх доклад.

Но шальная электричка  
прибыла в село с табличкой,  
зрящей косо: «Арестань»...  
Ты куда приехал, Вань?  
Побоюсь прослыть занудным:  
это, кажется, не Мудленд.

## 7. АРЕСТАНЬ И ОСТРОВ БУЯН

Иван шагает вдоль заборов,  
резных ворот, больших затворов.  
Уснувшие дома.  
Поодаль, в серой дымке, стены.  
Столбы рядком в колючих венах  
и вышки, словно манекены.  
Известно что... Тюрьма.

В судьбе страшнее нету доли,  
чем волю заменить неволей.  
А вместо храма — клеть.



И будь ты трижды многожилым,  
не сладко, коль станок правИльный  
пройдётся по тебе насильем, —  
умнее станешь впредь.

На нарах полстраны сидело —  
за дело, да и не за дело.  
Такой уж мы народ.  
Ну, как птенец, во всём пригожий,  
когда-то одуванчик божий,  
вдруг стал бандитом криворожим  
из гущи нечистот?

По одному и сбившись в стаи,  
они повсюду — преступая  
законы и мораль.  
С кем Ваня бегал по вокзалам,  
по городам, большим и малым, —  
всех злая доля закатала  
по камерам..., а жаль.

Серёга обчищал квартиры;  
Колян стал наркобригадиром.  
Кто — глуп; кто — подл; кто — пьян.  
Посажен за разбой «Пичуга»;  
«Хорёк» поддел ножом подругу;  
машины угонял в округе  
добрейший шкет — Вован.

Есть рыба покрупнее в зоне:  
за пляски смерти на амвоне  
кикиморы сидят;  
в железных клетках бдят драконы,  
укравшие у нас мильёны;  
и оборотней легионы,  
и леший, их собрат.





Ванюшка справил передачу —  
былую дружбу обозначить:  
сгущёнка и бельё;  
вложил товарищам конфеты,  
и пряники, и сигареты.  
И пообщавшись тет-а-тетом,  
поведал про жизнь...

Наслушавшись о местных нравах,  
проблемах, горестях, забавах,  
отправился «братан»  
к земле совсем неподалёку —  
ко всем известному пророку,  
живущему давно-о..., без сроку,  
на острове Буян.

Буян, сказать по правде, — остров,  
где жить не так-то уж и просто.  
Таинственный, как мир.  
Весь раздираемый ветрами,  
неукротимыми страстями,  
недальновидными властями.  
Война сменяет пир.

Здесь смута ведает застоем;  
здесь правда бьётся с гиблым строем,  
и жертвуют собой.  
Богатства свалены до неба,  
и всё равно заместо хлеба  
подсунут кус эрзац-плацебо —  
в бессильи волком вой.

Толпа в безудержности пыла  
уничтожает силу силой —  
и умных, и царей.



Сметает время и барьеры,  
рождая скверну и химеры  
для утвержденья высшей меры  
на радость бунтарей.

На острове под старым дубом  
на троне восседая грубом,  
задумался старик.  
Уж больше века провиденье  
снипосылает откровенья  
седому старцу во служеньи  
на каждый сущий миг.

Пробравшись через все преграды,  
сквозь лозунги и баррикады,  
Иван пред троном встал.  
И видит: дед-вещун — он самый,  
что в Троицке, в придворьи храма,  
вручил ему поднос с программой...  
...А тот глаза поднял.

«А-а, вот и ты, — промолвил тихо. —  
Хлебнул изрядно, вижу, лиха...  
Но близко Лебедянь...»  
Ивана слушал со вниманьем,  
кивнул в середине с состраданьем:  
с мизинец даётся процветанья,  
а слёз людских — с лохань.

Про череду лихих скитаний —  
от Троицка до Арестани.  
И всё, что между строк.  
В ответ поведал: «На Буяне  
есть чёрный, вросший в землю, камень;  
на нём две стрелки, как на плане, —  
на Запад и Восток.



А к ним слова: «Пойдѣшь направо —  
там правда с крепкою державой;  
налево — золота мешок,  
свой личный рай и плюс свобода».  
В раздумьях, юным, я полгода  
стоял. И понял: нету хода —  
так выбрать и не смог.

...Степан, твой брат, свернул к свободе...  
Без правды строился — по моде.  
Теперь всё есть, богат...».  
По окончании рассказа  
дед, дав подробные наказы,  
изрёк загадочную фразу:  
«Иль ты, или твой брат...».

## 8. МУДЛЕНД И ОКРЕСТНОСТИ

В раздвоенности чувств Иван молчал...  
Тюремный быт, бунтарские призывы  
остались позади. Морской причал.  
Заветный день со старцем прозорливым.  
Что значили последние слова?  
Чем обернётся новая дорога?  
В душе росла неясная тревога.  
Однако для того и голова,  
чтоб чувства — после, а дела — сперва.  
До Мудленда остались километры —  
там выясним, какие дуют ветры.

...Вокруг лежит бескрайняя земля.  
Не одолев окопа, танк дымится.  
Усеяны убитыми поля.  
Какой-то Иванов закрыл бойницу,  
упав на разъярённый пулемёт  
единственным своим тщедушным телом, —



как будто мимоходом, между делом, —  
и захлебнулся беспощадный дот.  
А парень что-то больше не встаёт.  
Не будет поколений Ивановых —  
ни новых сыновей, ни внуков новых...

Под гусеничный рык ползут кресты,  
как полчища облезлых вурдалаков, —  
насытиться от нашей наготы,  
поистязать и задушить со вкусом.  
Отпраздновать непобедимость зла.  
С ухмылкой затащить в паучи сети,  
и на углях, где догорают дети,  
удачно конвертировать тела  
в очередные тёмные дела  
и яства на столе чумного пира,  
отщёлкнув в закрома ещё полмира.

Чудовище в сплетеньях потайных,  
из роя алчных, кровожадных тварей,  
народы перемалывает в жмых  
в захватническом, лакомом угаре.  
И тоже Иванов свой самолёт  
направил прямиком в стозевный кокон.  
Раздался взрыв, и стёкла тысяч окон  
слились в один земной круговорот.  
Цена России — прерванный полёт...  
Но гидра сдулась, не достигнув цели,  
забилась в многочисленные щели.

И щупальцами машет — нам грозит.  
Кашей лицует гидру с новым жалом:  
готовится несправедный гибрид  
к войне с Россией с самого начала.  
Попили русской кровушки враги.



Неймётся им, и не даёт покоя,  
что нет у нас проигранного боя,  
что в океанах мочим сапоги,  
не так у нас работают мозги.  
Что слишком мы — богаты и большие.  
Свободны, своевольны; мы — иные.

Где шли бои — ряды могильных плит.  
Без края... До границы горизонта.  
Иван молчал: тут сбился геноцид.  
Здесь — линия невидимого фронта...  
Нам не простить руины городов.  
Мы не забудем «ценностей» Европы:  
этнической — народной — катастрофы...  
Ни слёзы матерей, ни смерть сынов.  
Ни пришлых палачей, ни их плодов.  
По-прежнему военные картины  
хранятся в каждом сердце славянина.

А между тем, звучание брони,  
солдатские окопы и землянки  
растаяли. Вечерние огни  
зажглись под марш «Прощание славянки».  
Замолк и марш. Явилась череда  
чудных особняков, дурной рекламы.  
Приделы городского тарарама,  
в котором разноцветная орда  
не ведает ни страха, ни стыда,  
чаруют новичка многоголосьем,  
по-своему разделяваясь с гостем.

Упрятана в роскошные дворцы  
вся тайнопись элитных отношений.  
Не угадать: творцы или дельцы  
разыгрывают судьбы поколений...



Проехали посёлок Оксфорд-парк,  
где англومانь собраны, как в сите.  
Вплывает мегаполис — Мудленд-сити.  
Сулящий барыши имперский барк...  
В его пространстве я — незримый кварк,  
заряженный, похоже, провиденьем  
на неустанное коловращенье.

Проходят дни. Ивану недосуг:  
разыскивает брата... Ошалело  
дивуется на вывески вокруг.  
В словесной каше лингво-беспредела  
царит нерусский дух, чужой язык.  
Людская речь звучит по-тарабарски —  
как смесь холопского с плохим швейцарским.  
К такому слову Ваня не привык.  
Часами он бродил меж небоскрёбов.  
Где тот, один, из мудлендских набобов?

Ликует праздный пипл на рэдной стрит.  
Под джазовые вопли в ресторане  
дожёвывает сахарный бисквит...  
Повсюду звон зазывный: мани, мани.  
В дверях застыл к услугам африкан.  
В разгаре шопинг, полон Мега-маркет —  
натруженный планктон в большой запарке.  
И стадный ток невидимых мембран  
влечёт его то в половой дурман,  
то биться за «свободы Человека»  
от общества, от власти и от века.

Вполне себе культурная семья  
щебечет: «Хэппи бёздэй, хэппи бёздэй».  
И прочие текут «бумбарбия»...  
Стеклянные расцвеченные гнёзда



питают томных юношей медком  
проплаченной пропагандистской фальши  
о первенстве Британии монаршей,  
заморской благодати и о том,  
что счастье в жизни — где-то за бугром.  
Все новости TV — из телечрева —  
о сумочках и шляпках королевы;

о выходках вульгарных кинозвёзд  
и прелестях чужой для нас богемы.  
Кашеево посольство — как нарост,  
внедрённый для мутации системы;  
банкноты выдаёт — за грантом грант.  
И вот уже из ближнего болота  
шныряют упыри-искариоты —  
державу разрушающий десант...  
Не разобрать: где — русский, где — мутант.  
Они «оевропеили» страну  
так, будто все мы — у врага в плену.

На набережной в липовом саду,  
На вилле под названием Черчилль-хаус  
(сам Черчилль-то давно горит в аду),  
фундаментальный трёхэтажный ярус  
содержит службы, челядь, кабинет —  
всю штаб-квартиру блудного Степана.  
По чину — антураж, дресс-код, охрана.  
Но только самого его там нет:  
от наших утомительных сует  
ещё на Крисмэс вылетел в Майами,  
где попривык держаться месяцами.

Сказали: «Возвращается на днях».  
Назначили часы и день приёма —  
не без труда, на родственных правах:  
по-разному, но оба — из детдома.



Степан давно уж вовсе не Степан —  
Стив Джонсон ныне. Канул Иванов.  
У Стива жизнь — волшебное кино.  
В кармане паспорта трёх разных стран.  
Эстет, политик, бизнесмен, гурман —  
в официальной прессе; слухи — злее:  
рисуют образ сущего злодея.

История сложилась такова.  
Приёмыш у заморского магната,  
едва сказались первые слова,  
определён был в школу интерната.  
Там деткам программируют мозги —  
штампуют «граждан мира» для колоний.  
И можно позабыть о Пентагоне:  
колонны ослеплённой мелюзги  
внедряются в российские круги  
и сами разрушают государство,  
чтоб пригласить Кашеевых на царство.

Степан, как финансист окончив Йель,  
на пару со своим приёмным папой,  
раскручивает в Мудленде артель  
и очень неприметно, тихой сапой,  
приобретает фабрики в актив;  
становится владельцем крупной доли,  
возглавил банк не натрудив мозоли...  
Открылась масса хлебных перспектив.  
Да плюс к тому случайный позитив:  
безвременный падёж акционеров —  
кто с лестницы упал, кто пил не в меру.

Затем даёшь кредит. Ещё один —  
и птичка бьётся в сетях кредитора.  
По грошику слагается алтын.  
Петля туга на радость живодёра.





Степану переходят за долги  
ресурсы, инвестиции, заводы...  
Найдёшь ли полновеснее доходы?  
Желаннее и слаще пироги?  
Чем дальше, тем масштабнее шаги:  
скупаются и партии, и пресса.  
Не увидеть деталей из-за леса.

На экспорт древесины, нефть и газ  
Степан погнал составами, а отчим  
расширил производство напоказ...  
В своей империи, промежду прочим.  
Магнат валюту шлёт на счёт в офшор.  
По-ихнему, вернее нету курса:  
в России — ни финансов, ни ресурсов.  
С такой страной — короткий разговор.  
Готовит нам заморский режиссёр  
вдобавок распри и развал культуры.  
Спасибо «лучшим людям» агентуры.

Такое нашептали языки —  
куда там низкопробным сериалам.  
А впрочем, и убийства, и братки,  
ведомые преступным капиталом,  
есть подозрение, — не просто слух.  
Бессовестный, безжалостный, бездушный —  
вот образ Стива за столом сивушным,  
если котлеты отделить от мух.  
По линии семейной — тоже «Ух!».  
Да ладно б, не женат. Завёл бой-фрэнда.  
Наверное, как символ хэппи энда.

Иван переживает, полон чувств:  
сомнений, опасений и надежды.  
Быть братом — непростое из искусств,  
и сами братья часто в нём невежды.



Степан сидел за ворохом бумаг.  
«Ты, что ли, кандидат на должность брата?  
Тебя не примешь за аристократа.  
Хорошенький. Но что мне с доходят?  
Не слышал о родне, и ты — чужак.  
Я ненавижу всю твою Россию —  
страну бессилья и страну-мессию.

Историю, традиции, народ,  
мораль, наряды, песни и победы.  
Я всех вас распродам — придёт черёд.  
Пусть правят здесь какие-нибудь шведы.  
Всё русское в себе сожгу, как сор.  
Ты чёртом назовись, да хоть этрусском —  
всем, чем угодно; только бы не русским.  
Я обойдусь без братьев и сестёр.  
На том, «братишка», кончен разговор».   
Ивану ясно: пусть огромна плата,  
не променяет Родину на брата..;

нет для страны коварнее врага;  
...и брат опасней шведов и Кощея;  
Россия — бесконечно дорога,  
да отдана на откуп лиходеям.  
Не видя улиц, Ванечка-горюю  
бредёт по скверам Мудленда печально...  
На перекрёстке будто бы случайно  
навстречу ковыляет дед-вещун:  
в немых хитросплетеньях древних рун  
звучит набат грядущих столкновений,  
больших потерь и тяжких заблуждений.

Источены опоры изнутри  
подросшим поколением измены.  
Стране опять нужны поводыри,  
способные избавить от гангрены.



«Что голову повесил, друг Ванёк?  
Ты станешь в Лебедяни президентом:  
возглавь народ; воспользуйся моментом —  
повороти державу на Восток», —  
сказал слова и вновь исчез дедок.  
А яблоко на жостовском подносе:  
«Вперёд, вперёд!» — и требует, и просит.

## 9. ЛЕБЕДЯНЬ

Как часто в юношеских думах и мечтах  
Иван воображал семью и сад в цветах,  
уют родительского дома.  
Как долго сердце билось, лишь закрыв глаза,  
он словно видел лица, слышал голоса, —  
где всё так ново и... знакомо.

Как много лет душа стремилась в Лебедянь —  
хлебать бы воздух, как наркоз, во всю гортань.  
Глотать, глотать — и не напиться.  
Деревья дружно шелестят под птичий грай,  
кивает головой расцветший иван-чай,  
скрипят неслышно половицы.

Дорога — дальняя. Вот Вышний Волочёк.  
Каналы плещутся повдоль и поперёк.  
Породы белоснежной Дивы  
застыли молча на воронежской земле,  
приговорённые в прискорбном дефиле  
растаять над донским заливом.

В Невьянске — золото и чудо-сундуки;  
одно в другое паковали мужики...  
И шлют привет с наклонной башни.



В валдайском озере со щукой довелось,  
чтоб действовать наверняка, не на авось,  
поговорить. Секрет незряшный

Ивану щука рассказала. Наперёд  
он знает, где тут — прямо, а когда — в обход.  
В воде студёной по колено,  
вопросы задаёт и слушает ответ —  
про всё, что ждёт его; что — будет, а что — нет.  
Конечно, про сестру Елену.

Бесёнок вылез из глубин. Ещё Балда  
гонял его, болезного, туда-сюда.  
Замыслил он прервать беседу;  
нахально корчится; угрозу и посул  
на Ваню льёт. Иван бесёнка шуганул —  
отправил ровно к чёрту-деду.

Большое странствие — как чередая страниц.  
Прочтёшь на них и быль, и кучу небылиц.  
Заехав по пути в Тарханы,  
Ванюша двинулся в загадочный Кунгур:  
в пещерной тьме там оживает тень фигур,  
восстав из льда и колчедана.

Пред Лебедянью прицепился колобок.  
Попутчик тот ещё: шажок — один вершок.  
Плетётся, чтоб развеять скуку.  
Попалась печь с готовой сдобой. И брюжит:  
«Пеку, пеку, а кушать некому... Держи...», —  
и каравай протянет в руку.

На перепутье из разросшихся ветвей  
сигает молнией разбойник Соловей,  
да ну свистеть — пригнулись ивы.



С таким оружием Иван не совладал:  
скрутило, вывернуло. Ясен был финал.  
Случайно мимо шёл служивый.

Набросил ловко на злодея нано-сеть.  
Тому ни дёрнуться, ни засвистеть.  
Усох, как старая калоша.  
Идут спаситель и спасённый на обед.  
Ведут пленённого за спинами вослед.  
Зовут спасителя Алёша.

Окрест, куда ни глянь глаза, желтеет рожь.  
Резвятся стаи птиц, их радостный галдёж  
гуляет по родным просторам.  
Друзья, шагая по тропе, увлечены  
и политичным обсуждением страны,  
и задушевым разговором.

Иван товарищу по взглядам очень рад:  
вбирает новости про жизненный уклад.  
Мечтает встретиться с Еленой.  
Зашли соратники рядком в Алёшин дом.  
Домашний робот у дверей снуёт волчком,  
по-дружески трясёт антенной.

Лишь щёлкнешь пальцами — накрыт к обеду стол.  
Еще движение — перед тобою холл:  
картины, книги на экране.  
Ты развивайся, познавая чудный мир;  
купайся в классике, наполнившей эфир,  
как в музыкальном океане.

Посуда — гжель тут. Серебро — из Кубачей.  
Какой безвестный — из аула — чудодеев  
создал в червлёных нитях кубок?



Каслинское литьё смолистой чернотой,  
штрихами, воздухом и линией витой  
твердит, что человек — так хрупок...

Перспекты, башенки, колонны, купола.  
Раскидистый фонтан у каждого угла.  
Не просто город — город-сказка.  
Великолепье парков и цветных дворцов.  
Величественность фресок и лепных резцов.  
Размах — как русская закваска.

На Пермской улице — огромный монумент:  
Татищев, собственной персоной. Постамент  
из мрамора и позолоты.  
За гаванью — космостроительный завод;  
в конструкторском бюро готовят марсоход  
для предстоящего полёта.

Станки размеренно, — не надобно труда, —  
рождают городу машины, поезда.  
На выбор — и шелка, и ситцы.  
Земля — такая (благородный чернозём),  
что репку тянут только всемером.  
Вокруг воркуют жары-птицы.

Здесь, вместе с русским, все народы-племена —  
в единстве сильная, великая страна.  
Здесь русский — всяк, кто за Россию.  
Осанисто, как пограничные столбы,  
державно высятся соборы... Если бы  
они нам вечность отпросили !

...На Брянской улице стоит уютный дом.  
До поздней ночи огоньки не гаснут в нём.  
Не спит красавица Елена.



На пальцах сядет вышивать, да вдруг замрёт.  
В окно посмотрит: нет ли гостя у ворот?  
Стучатся в двери перемены...

То книжку держит или включит интернет,  
пройдёт работать над статьёю в кабинет,  
да всё отложит в размышленьях.  
Бердяев, Дугин, Данилевский, Гумилёв —  
отцы идейно-политических основ —  
лежать остались без движенья.

Причина смуты и томленья — непроста:  
не каждый день сбывается мечта...  
И этот день грядёт прекрасный.  
Елена братьев ждёт с детдомовских времён.  
Звонки, архивы и запросов миллион —  
но все усилия напрасны.

А тут встречается на улице дедок;  
едва Елена различает шепоток:  
«Твой брат Иван уже в дороге;  
спешит к тебе вовсю, осталось чуть пути.  
Теперь — дай только срок — не может не дойти»  
Сказал — и на последнем слог

исчез в момент, как будто не было его.  
Прошла неделя. Не сложилось торжество.  
Елена глаз с ворот не сводит.  
С подругой Машей заправляют самовар.  
Черты Ивана создают под чайный жар.  
Калитка скрипнула — и входят

два стройных молодца. Застенчиво. Тишком.  
Один несёт поднос и яблоко на нём.  
Другой — поддержкой подсобляя.



Как вдруг поднос зашевелился, задрожал,  
из рук вспорхнув, поплыл куда-то за вокзал  
и вместе с яблочком растаял.

Ивана стиснуло незримой пеленой,  
накрыло светлую воздушною волной —  
и он предстал сильней и краше.  
Цветущим сказочно-былинным молодцом.  
Девыцы выскочили с шумом на крыльцо.  
Заволновалось сердце Маши.

Елена брата обнимает горячо,  
лицом уткнувшись нежно в тёплое плечо:  
«Мы, наконец-то, снова вместе!»  
На Ивановых держится страна.  
И Ивановыми оплачена цена  
её достоинства и чести.

#### 10. ПОСЛЕСЛОВИЕ-ПРИСКАЗКА: ЗЕМЛЯ, ГДЕ ЖИВУТ ИВАН ДА МАРЬЯ

Взращена в необъятном царстве,  
в сердце радужной ойкумены,  
после тысячи лет в мытарстве,  
попривыкшая к переменам,

иссеченная не однажды,  
неумело скрывая раны,  
преисполнена вечной жажды  
справедливости возжеланной.

Были скатерти-самобранки,  
было время, где брат на брата.  
А приди война-лихоманка —  
превращался юнец в солдата.





Змей Горыныч давно в землеце,  
да остался Кашей бессменный;  
из-за моря бедой грозитя,  
полагая, что он бессмертный,

насылает своё тиранство.  
Плохиши проявляют рвеньё:  
тянут в чёрное окаянство,  
отрабатывая варенье.

Загудят вперёбой заводы,  
снова заколосится поле.  
Отведём от страны невзгоды,  
не дадимся мы горькой доле!

Пусть во веки веков надёжно,  
в мирной благости самоварьей,  
проходя через невозможное,  
процветают Иван да Марья!



# СОЗЕРЦАТЕЛЬНАЯ ПОЭМА

---

(ОТДЕЛЬНЫЕ ЧАСТИ ПОЭМЫ)

**ТЫ : ОТБЛЕСКИ**

- 1 -

СИБИРЯК

Ты родился на Байкале, посреди тайги, в Сибири,  
отодвинул чьи-то руки и сказал: «Я сам, я сам».  
Из заснеженной палатки, позабытой в дикой шири,  
полетел по ближним весям и далёким городам.

Ты запрыгивал на льдину, цепко в гору лез упрямо,  
и завзятым хулиганом получал свинчаткой в глаз,  
а набедокурив славно, ждал прикосновений мамы,  
отстраненный от реалий и от всяческих проказ.

Основательный по сути, проходил через невзгоды.  
Помнишь ясно, как в несчастье ни за что погиб отец.  
Молча плакал у оградки, вопреки огню породы:  
по соображению — взрослый, а физически — малец...

В тёмном омуте — как нечто; спрятан в глубине натуры.  
В скорлупе житийной скуки, берегись — не берегись;  
в расстановке сил на поле вряд ли разглядеть фигуры —  
точно в чавкающей жиже утонули сапоги.

Там, в мякине школьных нравов, про запас взвели запалы.  
В лабиринтах глупых правил, в мутных терниях таблиц,  
зреют молнии, ненастья и ещё почище шквалы,  
вместо мнимого согласия хлещет бунт из-под глазниц.



Отчуждён и в центре массы, где шумит друзей орава,  
то с загадочной улыбкой, то как выключенный свет.  
Когда надо — здесь ты, слева; когда  
надо, здесь ты — справа.  
Словно зелье мандрагоры, ты пронёс внутри секрет.

Сквозь настырное движение через книги, дым учений  
он несёт тебе победы, он несёт тебе труды  
где-то в завтрашнем вселюдьё, в муках  
тягостных прозрений,  
сохранив тебя в потоках убегающей воды.

- 2 -

## ПЕРМЯК

Заповедную дверь, по прошествии лет,  
осторожно открыл, потерявши билет,  
а за нею — страна, позабытая с детства:  
милый дом и песчаный обрыв у реки,  
как бесценные вещи, — остатки наследства,  
оцененного молодостью в пятаки.  
А теперь для тебя нет ни грана дороже  
стёртых лиц и цепочек плотов в лесосплав,  
по лазури несущихся вдаль, и негоже  
их отдать, у прошедшего отвоевав.

По ступенькам, послушным астральному скрипу,  
в закуток чердака тащишь книжную кипу, —  
получивший карт-бланш: сам себе голова,  
чуткий к каждому слову, да что тут слова...  
И читаешь, читаешь в прохладе чулана  
под завяленной связкой бывшего сазана —  
потерявшись во мраке уральских пещер.  
Здесь хозяйка горы сторожит самоцветы  
и являет избранныкам дар геосфер.  
А откуда-то слышится: «Где же ты, где ты...?»



Словно отблески граней дарёных камней,  
ты в душе пронесешь, как добытый трофей,  
как картины давно устаревшего фильма,  
тёплый бабушкин голос и дух пирогов,  
и кровать в уголке за ветхой ширмой,  
и кудахчущих кур, и корзины грибов.  
И щемящую грусть утекающей Камы,  
зыбкий контур заводов на том берегу.  
Эти камни ведут тебя прямо и прямо,  
предвещая удачу на каждом шагу.

- 3 -

## СТАНЦИЯ ЗИМА

Чадят дымками деревенские дома.  
Вдали на поле — стройка нового квартала.  
Пространство ширится от контуров вокзала.  
Семнадцать лет! И это станция Зима...

Ты — здесь и «там»: здесь — в мельтешенье серых дней,  
в сюжетных линиях традиционной прозы;  
семья и школа, рой соперников-друзей;  
а «там» — знакомые по юности грёзы.

Послушный времени, и верный сын и брат,  
а «там» — упрямый, своевольный, верный цели.  
Бредёшь по улицам туда-сюда стократ,  
а мысль летит на тридесятой параллели.

Заборы, книжный магазин, фасад горкома.  
Копать картошку, караулить дефицит:  
съестное и носильное — нелёгкий быт.  
Картины — словно из затёртого альбома.



Но ты уже в мечтах далёко-далеко:  
в пути по дальним городам, заморским странам,  
откуда возвратившись странником желанным,  
обнимешь родину прощёным чужаком.

- 4 -

## СОЛДАТ

Батарея, огонь, огонь! Маловат окоп.  
Надо бы развернуться: танки грохочут справа.  
Ты ведёшь учебный снаряд через перископ.  
Цель по ходу въётся ужом — хитра и вертлява,  
Но своё получает прямо в роскошный лоб.  
Браво, солдат, браво!

Полигон в читинских горах занесло в пургу.  
На плацу ты стучишь кирзой печатая строем.  
Ты забыл, что такое: не хочу, не могу.  
Приказ: надо — и будешь делать, пусть даже воя.  
Устанавливай к бою ПТУРСы\* — и смерть врагу.  
За дело святое.

И звереет сержант, команды взмахлѐб орѐт.  
Рассыпается в поле, словно горсточка дроби,  
Замороженных тел бессмертный расходный взвод.  
Пусть учёба трудна, но станет навроде хобби.  
И отправят тебя туда, где никто не ждѐт.  
В песчаную Гоби.

По пустыне медленно тащится эшелон.  
Тебе здесь и место — на южном чужбинном фланге.  
Вас таких знатоков ракет — сто-пятьсот колонн:  
И в пустыне могут гулять чужие танки.  
Выходи - подкатил к вокзалу ратный вагон.  
Забудь о «гражданке».\*\*



Самый дальний полк: у комбата — пивной живот,  
И фуражка — аэродром. На каждом обходе  
Он машинкой сержантов сикось-накось стрижёт —  
Так воспитывает солдат по своей методе.  
Нависает грозой, как Устав, и петлички рвёт.  
Плати несвободе.

По тропиночкам, с автоматами на ремне,  
Вы с ребятами прошагали по караулам —  
Через тернии, как по минам, ступня к ступне, —  
Тьму убийственных километров по саксаулам  
И по прочей никем не хоженной чертовне.  
Назло всем акулам.

\* ПТУРС - противотанковый управляемый  
реактивный снаряд «Малютка»

\*\* о гражданской жизни

- 5 -

## СТУДЕНТ

Седой профессор — из испытанных мужей —  
глаголит истины про Жизнь до наших дней.

Про страны, свет и государства.  
Сквозь полудрёму, словно ворожбу,  
ты слышишь убедительные бу-бу-бу  
о том, как рушились все царства,

о ненадёжности общественных опор,  
и как опасен временами ближний двор  
в борьбе элит и битве классов,  
когда всё, вроде бы, кому-то хорошо:  
одним — вершок; другим — потолще корешок, —  
но недовольны в сумме массы.



Потом осваиваешь англиш и франсэ;  
строчишь конспекты, рефераты и эссе  
по философии и праву.  
Грызёшь понятия «материя» и «дух»,  
никак не в силах предпочесть одно из двух:  
без них немислима держава.

Какой там «дух»? Когда созрела мысль вослед:  
на пятьдесят копеек выкроить обед,  
и рвать к друзьям на вечеринку.  
Где смех и музыка, и прочий праздный шум;  
играют в шахматы... А взявшийся за ум  
стучит на пишущей машинке.

Ты весь гранит науки дочиста изгрыз,  
и каждым летом ожидал тебя «круиз» —  
пахать: в глубинку за деньгами.  
В людском быту перемешались стыд и срам,  
дорога к храму и перипетии драм  
в живой российской панораме.

Сквозь пелену страстей, шагая в горизонт,  
старался разглядеть чудной диапазон  
витиеватых поворотов.  
В крутой замене вех, в бушующих волнах,  
и в череде усилий, ширящих размах,  
услышь трагические ноты.

Отечество проехал из конца в конец —  
сбивая крылья в пух, как выпавший птенец,  
в сетях законов режиссуры.  
Клевал по зёрнышку всё лучшее что есть;  
вбирал свободу, как живительную смесь,  
в привычных образцах культуры.



С кем дружен был, обзавелись давно семьёй,  
и только ты — как будто бы слепой:  
как перст среди густой чащобы.  
И вот тебе она — единственная: та,  
в которой воплотилась давняя мечта —  
любить и вместе жить до гроба.

Родился сын, рождая новый круг забот,  
а тут — диплом, семья, и дел неуворот.  
Прощай, друзья и узы дружбы.  
Так незаметно и пройдёте долгий путь.  
В итоге всё же приведут куда-нибудь  
Судьба и тяжкий долг гос.службы?

- 6 -

#### БУРЕЛОМ В БЕЗВРЕМЬЕ

На воду смотришь: светятся убегающие круги.  
Пусть бы любой унёс куда-нибудь  
(твой или нет наступил черёд) —  
простеньким челноком  
или невзрачною щепкой.

Глядь-ка, а ты уже — как бывало — выставлен на торги,  
и втихомолку разыгран твой путь.  
Кто-то решает: прямо, в обход...  
В гавань или в разлом.  
Выживешь хваткою цепкой.

Время такое: напрочь тебе и всем свернуло мозги.  
С глиной смешают в пустой фантом,  
вывернут души и закрома...  
Снова меняешь курс —  
против них выступишь разве?





Словно привязан к мачте в водоворот — не видать ни зги.  
Так, вместе с мачтой, и врос в бурелом.  
Снова тебя окружает тьма...  
Как последний ресурс  
в неизвестной «зимбабве».

Здесь тебе быть — в отныне перекодированной стране.  
Заново строиться и выживать:  
сеять-косить, выходить в реал...  
Слабенькие ростки  
немошно тянутся к свету.

Вылезло всяких — впору бежать: грызут внутри и извне.  
Новых хозяев несметная рать  
властвует словно в начале начал  
разуму вопреки,-  
как будто нас вовсе нету.

\* \* \*



# МИНИМАЛИЗМ ЖИЗНИ

---

## МЕЛЬКАЮТ КАДРЫ

- 1 -

Домишко в городишке.  
В рублишко барахлишко.  
Ротишко с животишком.  
Сердчишко под пальтишком.  
Житьишко — по умишку.

- 2 -

Где прямизна, там рытвина.  
Где глубина, там рыбина.  
Где крутизна, там ссадина.  
Где слабина, там гадина.

- 3 -

На Земле — озерцо,  
у озерца — сельцо,  
в сельце — крыльцо,  
у крыльца — сенцо,  
на сенце — винцо,  
а винцо — дрянцо.

- 4 -

Наливай вина —  
нипочём стена.  
Пусть течёт слюна  
и пуста казна.  
Велика цена —  
заплачу сполна.  
Не тревожь, луна, —  
напьюсь допьяна.



- 5 -

Цех — молотильный,  
продукт — валяльный.  
Был многожилый,  
а стал лояльный.

- 6 -

Ты помашешь мне рукою,  
я беззвучно отвернусь.  
Погрозишь мне кочергою —  
я в ответ тебе смеюсь.

- 7 -

Тихий лунный суаре.  
Вьётся лёгкое амбре.  
Рядом седенький кюре  
мирно кушает пюре.

- 8 -

Показалась гостя —  
отрепья да лохмотья,  
ворчунья и вещунья,  
болтунья, хохотунья.

- 9 -

Ворожба да жалобы.  
Пагуба в полнеба.  
Вкось изба. И бабы.  
Вместе — быль и небыль.

- 10 -

Мужики на дыбах.  
Худоба — худОба.  
Трещины на глыбах.  
Красные сугробы.



- 11 -

Чахлый и сохлый,  
впалые щёки.  
На вид — полудохлый;  
с ним много мороки.

- 12 -

Я железной мужицкою хваткою  
пру по жизни прямо, нахраписто.  
Не смутить меня женскою лапкою  
и дорогою разухабистой.

- 13 -

Худоба — видна: кожа да рёбрышки.  
Вместо глаз, только чёрные блинчики.  
С волосёнками, как у воробышка.  
И с заплаканным, горестным личиком.

- 14 -

Сел Ваня в сани  
и поехал к Мане.  
Задел об косяк —  
заработал синяк.  
Получилась рожа —  
ни на что не похожа.

- 15 -

Попадья — словно ладья  
Иль дубовая бадья,  
Возвышаясь, как судья,

\* \* \*



## МЕЖДОМЕТЬНЫЕ МИНИАТЮРЫ (минимализм жизни)

\* \* \*

Море. Солнце. Июль.  
Бултых — и буль-буль.

\* \* \*

Тик-так, тик-так.  
Тары-бары. Так-сяк.  
Тик-так, тик-так.  
Вся жизнь — пятак...

\* \* \*

Дёрг — динь-динь.  
Дёрг — динь-динь.  
«Ещё дёрг — и аминь!»

\* \* \*

Плюх, плюх — и тикай.  
Бах, бах — и гудбай.

\* \* \*

Тук-тук, чмок-чмок.  
Цап-царап — и наутёк.

\* \* \*

Би-би-би! Ой, ой!  
Чух-чух — хромой...

\* \* \*

Ату его, ату, кыш, кыш!  
Был золотник — остался шиш...

\* \* \*

*Литературно-художественное издание*

Шумилов Владимир Михайлович

## **Стихи в духе русского экзистенциализма**

**5-е издание**

Книга издается в авторской редакции  
Оригинал-макет: А. Чеширский



ISBN 978-5-9965-1692-6

Подписано в печать 10.10.2021  
Формат издания 60x84/16. Цифровая печать.  
Усл. печ. л. 11,04. Тираж 500 экз.

BooksNonStop

**[www.booksnonstop.ru](http://www.booksnonstop.ru)**